

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Дайджест новостей правового регулирования банкротства

/июль-август 2020 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА	3
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА	3
1. Законы	3
2. Законопроекты	4
3. Громкие банкротства	4
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	4
1. Судебная практика Верховного суда РФ	4
<i>Возбуждение дела о банкротстве.</i>	4
<i>Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.</i>	5
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.</i>	7
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.</i>	12
<i>Оспаривание сделок должника.</i>	27
<i>Субсидиарная ответственность.</i>	44
<i>Торги.</i>	50
<i>Банкротство граждан.</i>	55
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	57
1. Книги	57
2. Статьи	57
3. Блоги	58
4. Выпуски Банкротного клуба	60

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем вашему вниманию летний, 29-ый выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства. Верховный суд за июль – август 2020 года рассмотрел по существу рекордное количество кассационных жалоб и по их итогам вынес 35 определений, при этом одно из дел даже стало предметом рассмотрения Судебной коллегии по гражданским делам. За лето 2020 года Верховный суд уделил особенное внимание вопросу злоупотреблений аффилированных с должником лиц при включении требований указанных лиц в реестр.

Надеемся на ваш интерес к подборке позиций, предложенной в настоящем Дайджесте.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- Все образовательные курсы Института по праву на период сентября – декабря 2020 года будут продолжаться проводиться в онлайн-формате. На сайте Института опубликовано расписание онлайн-курсов повышения квалификации на этот период. См. [здесь](#).

Среди таких курсов есть несколько, касающихся вопросов банкротства:

[Онлайн-программа повышения квалификации «Практикум по эффективному ведению споров в сфере банкротства»](#) [28.09 - 23.10](#)

[Вечерний онлайн-курс повышения квалификации «Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения»](#) [25.11 - 29.01](#)
(2 месяца)

- **28 сентября 2020 года** Юридический институт «М-Логос» проводит [ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЮ «CONDICIO IURIS-2» 2020: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ КОНКУРСА И ВЫСТУПЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.](#) Начало в 18.00. Ознакомиться с программой и подать заявку на участие можно [здесь](#).

- На сайте электронного издательства «М-Логос» доступны для приобретения видеозаписи ряда коротких онлайн-лекций, проведенных во втором квартале 2020 года. Архив видеозаписей см [здесь](#) Среди опубликованных лекций есть несколько, касающихся банкротства:

- Авторская видеолекция [Н. Покрышкина «АНАЛИЗ ПОСЛЕДНЕЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВС РФ ПО БАНКРОТНОМУ ОСПАРИВАНИЮ»](#)

- Авторская видеолекция [Р. Мифтахудинова «COVID-19 И БАНКРОТСТВО»](#)

Представляем Вашему вниманию две книги, которые мы опубликовали летом 2020 года:

[А.Д. Рудоквас Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография](#)

[Р.С. Бевзенко ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЬБЫ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК И НА СТРОЕНИЯ НА НЕМ: введение в российское право недвижимости. \(Выпуск 2\)](#)

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей антимонопольного права за март – апрель 2020 года](#)

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за март, апрель, май 2020 года](#)

[Дайджест новостей процессуального права за март, апрель, май 2020года](#)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права за январь-март 2020 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за март - май 2020года](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законы

[Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина"](#) опубликован 31.07.2020 г., вступил в силу с 01.09.2020 г.

[Федеральный закон от 13.07.2020 N 202-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#) вступил в силу 11.08.2020 г.

[Федеральный закон от 13.07.2020 N 202-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации"](#) вступил в силу 13.07.2020 г.

2. Законопроекты

[Законопроект № 598603-7 О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" \(в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр\)](#)

Дата внесения в ГД: 30.11.2018 г.

Инициатор: Верховный суд Российской Федерации

Комитет: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: рассмотрение законопроекта в третьем чтении 14.07.2020 г.

Из пояснительной записки к законопроекту

В соответствии с представленными изменениям в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» первичную стадию проверки обоснованности требований кредиторов предлагается переложить на арбитражного управляющего. Это приведет к тому, что бесспорные требования, по которым не имеется возражений, не будут доходить до суда.

Названный механизм введения первичного фильтра отсеивания бесспорных требований арбитражным управляющим в настоящий момент уже реализуется по определенным категориям должников (например, застройщики, банки). Поскольку такой порядок предъявления требований продемонстрировал свою эффективность, разумнее было бы распространить его на все категории должников.

3. Громкие банкротства

Промышленность

[Суд признал банкротом завод, задолжавший «Трасту» 8 млрд рублей](#)

[«Дочку» сибирского «Холидея» признали банкротом](#)

[«Русский водочный холдинг» вновь пытаются обанкротить](#)

[Марийский НПЗ признали банкротом](#)

[Компанию Бойко-Великого вновь банкротят](#)

[ВС решил, включать ли в реестр банкрота поручительство на 400 млн руб.](#)

[«АНПЗ-Продукт» признали банкротом](#)

Банки

[В Татарстане возбуждено дело о преднамеренном банкротстве ИнтехБанка](#)

[Суды приняли решения по трём заявлениям «дочки» Сбербанка о банкротстве](#)

Физические лица

[АСВ подало заявление о «субсидиарке» для экс-руководства Златкомбанка](#)

[ВС отменил решение о включении «материнского» требования в реестр](#)

[Проректора МГУ задержали за преднамеренное банкротство](#)

[АСГМ отказался включать покупателей элитного жилья в реестр кредиторов застройщика](#)

[АСГМ взыскал с контролирующих лиц банка 198 млрд рублей](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

1. Судебная практика Верховного суда РФ

Возбуждение дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 04.08.2020 № 307-ЭС20-2237](#)

Инициировать дело о банкротстве можно не только по тем видам требований, которые прямо поименованы в пункте 2 статьи 4 Закона о банкротстве. Перечень денежных обязательств, на основании которых допускается возбуждение дела о банкротстве, не является исчерпывающим; исключения (виды денежных обязательств, не учитываемых при определении признаков банкротства) должны быть предусмотрены законом. Реституционное требование о возврате в конкурсную массу полученного с предпочтением к числу такого рода исключений ни Законом о банкротстве, ни иными законами не отнесено. Принудительное исполнение судебного определения о

возврате в конкурсную массу переданного должником по преференциальной сделке допускается как в общем порядке – в процедуре исполнительного производства – так и путем возбуждения дела о банкротстве контрагента должника.

ООО «МОНТ-СТАР» обратилось в суд с заявлением о признании ООО «МОНТ-СТАЛЬ-РУС» несостоятельным (банкротом).

Судами трех инстанций заявление признано необоснованным, производство по делу прекращено.

Вступившими в силу определениями 30.08.2017 и от 01.03.2018 по делу о банкротстве общества «МОНТ-СТАР» признаны недействительными расчетные операции по перечислению обществом «МОНТСТАР» денежных средств обществу «МОНТ-СТАЛЬ-РУС», применены последствия недействительности этих операций в виде взыскания 1 425 000 руб. с общества «МОНТ-СТАЛЬ-РУС» в конкурсную массу общества «МОНТ-СТАР» и восстановления требования общества «МОНТСТАЛЬ-РУС» к обществу «МОНТ-СТАР» в той же сумме.

В связи с неисполнением обществом «МОНТ-СТАЛЬ-РУС» судебных актов о возврате 1 425 000 руб. в конкурсную массу общества «МОНТСТАР» его конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о банкротстве общества «МОНТ-СТАЛЬ-РУС».

По сути, при разрешении вопроса о том, какие требования учитываются в целях определения признаков банкротства, суды исходили из того, что инициировать дело о несостоятельности можно только по тем видам требований, которые прямо поименованы в пункте 2 статьи 4 Закона о банкротстве.

Данный вывод судов ошибочен. Правовая позиция, касающаяся применения пункта 2 статьи 4 Закона о банкротстве, изложена в пункте 12 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018. В абзаце втором пункта 2 статьи 4 Закона о банкротстве применительно к денежным обязательствам законодателем употреблено словосочетание «в том числе». Это свидетельствует о том, что перечень денежных обязательств, на основании которых допускается возбуждение дела о банкротстве, не является исчерпывающим; исключения (виды денежных обязательств, не учитываемых при определении признаков банкротства) должны быть предусмотрены законом.

Реституционное требование о возврате в конкурсную массу полученного с предпочтением к числу такого рода исключений ни Законом о банкротстве, ни иными законами не отнесено. При этом положения пункта 3 статьи 328 ГК РФ, согласно которым сторона обязательства не вправе требовать по суду от другой стороны исполнения в натуре, не предоставив причитающегося с нее, не применяются к двусторонней реституции по сделке, признанной недействительной на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве, поскольку порядок исполнения судебного акта о применении последствий недействительности такой сделки регулируется специальными положениями пунктов 2 – 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве: кредитор несостоятельного должника приобретет восстановленное требование к этому должнику только после возврата в конкурсную массу полученного с предпочтением.

Следовательно, принудительное исполнение судебного определения о возврате в конкурсную массу, переданного должником по преференциальной сделке, допускается как в общем порядке – в процедуре исполнительного производства, так и путем возбуждения дела о банкротстве контрагента должника.

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 20.07.2020 № 309-ЭС20-2880](#)

Несмотря на безусловный характер обязанности руководителя должника по передаче документации должника конкурсному управляющему, руководитель должен быть надлежащим образом извещен о рассмотрении в суде вопроса о понуждении руководителя к исполнению указанной обязанности.

Судебный акт об истребовании документации, принятый в отсутствие ответчика, надлежащим образом извещенного о месте, дате и времени заседания, подлежит отмене, как принятый с нарушением важнейшей процессуальной гарантии.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением об истребовании у ликвидатора общества и его участников.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Суд апелляционной инстанции счел, что обязанность ликвидатора по передаче документации, предусмотренная пунктом 2 статьи 126 Закона о банкротстве, является безусловной, а рассмотрение вопроса о понуждении ликвидатора к ее исполнению не требует извещения последнего о времени и месте судебного заседания.

В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 270, пунктом 2 части 4 статьи 288 АПК РФ одним из безусловных оснований для отмены актов судов первой и апелляционной инстанций является рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания.

Надлежащее извещение лиц, участвующих в деле, а также иных участников арбитражного процесса о принятии искового заявления и возбуждении производства по делу, о месте и времени проведения судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия является неотъемлемой частью права лица на справедливое судебное разбирательство. В связи с этим АПК РФ возлагает на арбитражный суд обязанность по надлежащему извещению участников процесса, нарушение которой рассматривается как безусловное основание для отмены судебного акта.

Как следует из материалов дела, ликвидатор общества Калинина Г.Г. не была извещена надлежащим образом о времени и месте судебного заседания по спору об истребовании у нее документации и имущества должника и, следовательно, была лишена возможности защищать свои права и законные интересы, заявлять возражения относительно требований конкурсного управляющего, представлять доказательства и иным образом повлиять на решение суда первой инстанции.

При этом довод окружного суда о том, что Калинина Г.Г. не указала какие-либо значимые обстоятельства, которые, по сути, могли бы привести к иному исходу рассмотрения спора, в данном случае не имеет значения, потому что основанием отмены обжалуемых судебных актов является нарушение важнейшей процессуальной гарантии, обеспечивающей право лица на судебную защиту.

Следует учитывать, что в соответствии с абзацем четвертым пункта 70 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» признан не подлежащим применению абзац третий пункта 47 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», которым закреплялось право арбитражного управляющего в случае отказа или уклонения контролирующих лиц от передачи документов и ценностей должника обратиться в суд с ходатайством об их истребовании по правилам частей 4 и 6 – 12 статьи 66 АПК РФ, т.е. по правилам, предусмотренным для истребования доказательств.

Действующее регулирование возлагает на арбитражный суд обязанность по направлению судебных извещений всем участникам обособленного спора об истребовании у контролирующих лиц документации и имущества должника в общем порядке – по правилам статьи 121 АПК РФ.

[Определение ВС РФ от 06.08.2020 № 305-ЭС20-5352](#)

Не может быть отказано в правопреемстве конкурсного кредитора на иное лицо по мотиву того, что дело о банкротстве было прекращено/завершено, потому как законодательство о банкротстве предоставляет кредиторам, имущественные права которых не были восстановлены до завершения конкурсного производства и ликвидации должника, возможность удовлетворить свои требования за счет иных лиц, в том числе причинивших вред при управлении должником. Так, в частности, кредитор вправе обратиться с иском о взыскании на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами (пункт 11 статьи 142 Закона о банкротстве), привлечь контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (пункты 3, 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве), взыскать убытки с конкурсного управляющего должника (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве).

Определением от 19.12.2016 в третью очередь реестра требований кредиторов должника включено требование общества в размере 39 502 889,9 руб. основного долга, 200 000 руб. расходов по оплате госпошлины, а также в размере 567 500 руб. штрафа, 6 073 436,35 руб. неустойки.

Определением суда от 22.08.2017 общество заменено в реестре на его правопреемника Чернова Владимира Григорьевича.

Впоследствии судами трех инстанций в удовлетворении заявления общества о процессуальном правопреемстве кредитора Чернова В.Г. на общество отказано.

Договор уступки прав требований от 13.04.2017 № 07-17, заключенный между Черновым В.Г. и обществом, расторгнут соглашением от 01.04.2018, что послужило основанием для обращения общества с настоящим заявлением о правопреемстве.

Определением от 20.09.2017 в отношении должника завершено конкурсное производство, 15.11.2017 последний исключен из ЕГРЮЛ.

Конкурсное производство завершается с внесением в ЕГРЮЛ записи о ликвидации должника (пункт 4 статьи 149 Закон о банкротстве).

По общему правилу ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам (пункт 1 статьи 61 ГК РФ).

Вместе с тем, законодательство о банкротстве предоставляет кредиторам, имущественные права которых не были восстановлены до завершения конкурсного производства и ликвидации должника, возможность удовлетворить свои требования за счет иных лиц, в том числе причинивших вред при управлении должником. Так, в частности, кредитор вправе обратиться с иском о взыскании на имущество должника, незаконно полученное третьими лицами (пункт 11 статьи 142 Закона о банкротстве), привлечь контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (пункты 3, 4 статьи 61.14 Закона о банкротстве), взыскать убытки с конкурсного управляющего должником (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве).

Данные права могут быть реализованы после завершения конкурсного производства только в том случае, если лицо имеет статус кредитора в деле о банкротстве должника, в основе которого лежит материально-правовое требование к должнику, установленное вступившим в законную силу судебным актом в рамках дела о банкротстве с указанием его размера и очередности погашения в реестре (пункты 6, 7 статьи 16 Закона о банкротстве).

При этом кредитор вправе передать принадлежащее ему требование другому лицу по сделке как в полном объеме, так и в части (пункт 1 статьи 382, статьи 384 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В рассматриваемом случае договор уступки, заключенный между Черновым В.Г. и обществом, расторгнут, в связи с чем заявление последнего о процессуальной замене в силу пункта 1 статьи 48 АПК РФ подлежало удовлетворению независимо от момента его расторжения.

Занятый судами подход без учета правовой позиции, содержащейся в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 05.08.2019 № 308-ЭС17-21032 (2,3) и от 21.10.2019 № 308-ЭС19-12135, необоснованно ограничивает кредитора в реализации своих имущественных прав.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС19-17553](#)

1. Длительное непринятие документации должника конкурсным управляющим у бывшего руководителя должника, мотивированное тем, что документация передавалась директором поэтапно и добровольно, свидетельствует о нарушении управляющим норм Закона о банкротстве.

2. Не соответствуют закону действия арбитражного управляющего, выразившиеся в поддержке необоснованных требований кредиторов, заявлении возражений на доводы конкурирующего кредитора, тогда как доводы кредитора позволили последнему добиться исключения из реестра необоснованных требований. В подобной ситуации любой разумно действующий управляющий примкнул бы к позиции кредитора, который смог добиться исключения из реестра иных требований, обладая при этом меньшим объемом документов, нежели арбитражный управляющий.

3. Нельзя признать соответствующими закону действия управляющего, выразившиеся в неоспаривании сделок перевода долга основными дебиторами должника на иностранные организации – разумно и добросовестно действующий управляющий оценил бы целесообразность оспаривания таких сделок и предъявления требований о возврате задолженности первоначальным дебиторам.

4. Не является основанием для отказа в признании незаконными действий управляющего по неподаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности тот факт, что в удовлетворении аналогичного заявления было отказано.

Компания «Хендэ Корпорэйшн» обратилась в суд с жалобой на действия (бездействие) конкурсного управляющего акционерным обществом «Техногред» (далее – должник) Смирнова С.В.

Компания просила признать незаконными ряд действия (бездействие) арбитражного управляющего Смирнова С.В. Компания «Хендэ Корпорэйшн» также ходатайствовала об отстранении Смирнова С.В. от исполнения возложенных на него обязанностей конкурсного управляющего должником.

Судами трех инстанций в удовлетворении жалобы отказано.

19.05.2017 в отношении должника введена процедура наблюдения, временным управляющим должником утвержден Смирнов С.В. Впоследствии решением от 31.10.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), Смирнов С.В. утвержден конкурсным управляющим.

1. Эпизод, связанный с длительным непринятием Смирновым С.В. мер, направленных на получение документации должника.

Отказывая в удовлетворении жалобы в этой части, суды исходили из того, что после открытия конкурсного производства бывший руководитель должника не уклонялся от исполнения обязанности по передаче документации. Эта передача осуществлялась им поэтапно вплоть до 15.01.2018.

Однако абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве отведен трехдневный срок на передачу руководителем должника бухгалтерской и иной документации конкурсному управляющему.

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий утвержден решением суда от 31.10.2017. В установленный законом срок Смирнов С.В. документацию не получил. В ее отсутствие невозможно полноценное исполнение возложенных на управляющего обязанностей.

В сложившейся ситуации любой разумный управляющий не мог бездействовать, полагаясь на обещания последнего бывшего генерального директора исполнить обязанность по передаче документации после истечения отведенного законом срока, поскольку длительное нахождение документов вне сферы контроля управляющего могло привести к их искажению, частичному изъятию, что является препятствием для создания достоверного представления об имущественном положении должника.

Задача управляющего состоит в том, чтобы принять реальные меры к розыску и истребованию документов, проведению на их основе инвентаризации (выявления фактического наличия имущества, числящегося за должником по данным бухгалтерского учета), обеспечению сохранности обнаруженного имущества, предъявлению на основании полученных документов требований имущественного характера к дебиторам и т.д. (пункт 2 статьи 129 Закона о банкротстве).

Суды не установили, какие конкретные действия, направленные на получение документов, совершал управляющий после истечения трехдневного срока, предусмотренного абзацем вторым пункта 2 статьи 126 Закона о банкротстве.

2. Эпизоды, касающиеся непредъявления требований к обществам «ТехноПарк», «Техно-Инвест», «Техно-Комплекс», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток», проведения дополнительной инвентаризации дебиторской задолженности и составления дополнительных актов инвентаризации от 13.08.2018 и от 18.04.2019.

Отклоняя жалобу в данной части, суды сочли, что конкурсным управляющим приняты надлежащие меры, направленные на истребование задолженности. Суды установили, что Смирнов С.В. в ходе претензионной работы направил требования 102 дебиторам должника о погашении долга, в том числе ликвидаторам обществ «Техно-Парк», «Техно-Инвест», «ТехноКомплекс», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток». Ликвидаторы сообщили об отсутствии задолженности в связи с заключением в конце 2016 года соглашений о переводе долга на новых должников – компании «РОВАРИО ЛТД» (Rovario LTD) и «ЭНАЛИО ЛТД» (Enalio LTD).

Как указывала компания «Хендэ Корпорэйшн», общества «Техно-Парк», «Техно-Инвест», «Техно-Комплекс», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток» являлись крупнейшими дебиторами должника, их общая сумма задолженности превышала 1,8 млрд. рублей. Сведения об этом отражены Смирновым С.В. в акте инвентаризации дебиторской задолженности от 20.02.2018, размещенном в открытом доступе ЕФРСБ.

В ситуации, когда большая часть дебиторской задолженности приходится на несколько организаций, разумный и добросовестный управляющий в первую очередь должен рассмотреть вопрос о возможности пополнения конкурсной массы за счет истребования долга с этих организаций.

Получив сведения о том, что лицо, исполнявшее лишь несколько месяцев полномочия генерального директора должника, в преддверии банкротства последнего дало согласие на перевод долга в сумме свыше 1,8 млрд. рублей на компании, находящиеся в иностранной юрисдикции (Белиз), существенно осложняющий предъявление к ним требований, любой независимый арбитражный управляющий проанализировал бы согласия на перевод долга на предмет их действительности, выяснил истинные цели перевода долга,

возможность фактического получения исполнения с иностранных компаний, а затем принял бы одно из двух решений: о целесообразности оспаривания согласий на перевод долга и взыскания задолженности с первоначальных должников или о взыскании задолженности с новых должников.

Смирнов С.В. 14.08.2018 опубликовал уточненный акт инвентаризации дебиторской задолженности, указав в качестве дебиторов компании «РОВАРИО ЛТД» и «ЭНАЛИО ЛТД». При этом в ходе судебного разбирательства он никак не обосновал принятые решения о целесообразности взыскания задолженности именно с названных компаний, расположенных вне юрисдикции Российской Федерации, об отказе от оспаривания согласий на перевод долга.

Вступившим в законную силу постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2019 по настоящему делу по заявлению компании «Хендэ Корпорэйшн» признаны недействительными согласия должника на заключение соглашений о переводе долга обществ «Техно-Парк», «Техно-Комплекс», «Техно-Инвест», «АН-Билдинг» и «Строительная компания «Восток» на компании «РОВАРИО ЛТД» и «ЭНАЛИО ЛТД». Эти согласия признаны судом недействительными как сделки, совершенные в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов должника. При рассмотрении данного спора суд установил, что общества «Техно-Парк», «Техно-Комплекс», «Техно-Инвест» и «АН-Билдинг» на момент заключения соглашений о переводе долга являлись аффилированными по отношению к должнику лицами, находящимися под контролем Михеева Д.С., к выгоде которого и были даны согласия на перевод долга.

При таких обстоятельствах поведение Смирнова С.В. нельзя было признать, по меньшей мере, разумным.

К моменту признания согласий на перевод долга недействительными предъявить иски к первоначальным должникам уже не представлялось возможным, поскольку они были ликвидированы.

Несмотря на ликвидацию первоначальных дебиторов управляющий включил требования к ним в уточненный акт об инвентаризации дебиторской задолженности от 18.04.2019 и продал данные требования на торгах в июне 2019 года за 21 млн. рублей.

3. Эпизоды, относящиеся к процессуальному поведению конкурсного управляющего, выразившемуся в уклонении от подачи возражений и жалоб, признании обоснованными ряда требований.

Разрешая вопрос о том, соотносились ли действия управляющего по представлению отзыва на требование кредитора, его отказ от обжалования судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, с принципом добросовестности, следует принимать во внимание разъяснения, изложенные в абзаце третьем пункта 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». По смыслу указанных разъяснений, несмотря на то, что управляющий обладает определенной дискрецией, оценивая его действия как добросовестные или недобросовестные, суд должен соотнести их с поведением, ожидаемым от любого независимого профессионального управляющего, находящегося в сходной ситуации и учитывающего права и законные интересы гражданско-правового сообщества кредиторов, а не отдельных лиц.

В рассматриваемом случае компания «Хендэ Корпорэйшн» не просто не соглашалась с позицией управляющего, как сочли суды, она обращала внимание на то, что управляющий в нарушение требований Закона о банкротстве без должного анализа требований ряда кредиторов представлял в суд отзывы об их обоснованности. Мнимый характер этих требований впоследствии был подтвержден вступившими в законную силу судебными актами. Также, по мнению компании «Хендэ Корпорэйшн», управляющий заявлял возражения по ее апелляционным и кассационным жалобам, тогда как любой разумный управляющий присоединился бы к позиции компании. Компания «Хендэ Корпорэйшн» ссылалась на то, что благодаря ее действиям из реестра требований кредиторов должника исключены необоснованные требования на сумму свыше 1,3 млрд. рублей, то есть она, будучи кредитором, смогла подтвердить их фиктивность, располагая значительно меньшим объемом информации, чем конкурсный управляющий должником Смирнов С.В.

4. Необращение Смирнова С.В. в арбитражный суд с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Суд округа в этой части пришел к выводу о том, что неподача конкурсным управляющим заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности не нарушила права компании «Хендэ Корпорэйшн», поскольку она как конкурсный кредитор самостоятельно реализовала право обращение в суд с соответствующим заявлением.

Однако оценка действий (бездействия) конкурсного управляющего на предмет законности не может ставиться в зависимость от осуществления конкурсным кредитором предоставленных ему прав.

Как уже отмечалось, конкурсный управляющий как профессиональный участник отношений в сфере несостоятельности (банкротства) должен принимать все доступные ему в соответствии с законом меры для пополнения конкурсной массы и максимального удовлетворения требований кредиторов.

С учетом того, что процедура банкротства в отношении должника инициирована обществом «САНОЙЛ», фиктивные требования которого признавались должником, а также того, что должник осуществлял значительные вложения в связанные с ним общества «Техно-Парк», «ТехноКомплекс», «Техно-Инвест» и «АН-Билдинг», которые перевели долг на иностранные компании и ликвидировались, у конкурсного управляющего должны были возникнуть обоснованные сомнения в добросовестности и разумности действий бенефициаров должника и он обязан был проанализировать наличие оснований для их привлечения к субсидиарной ответственности.

Такую работу конкурсный управляющий не провел.

Возражения управляющего относительно того, что в настоящее время в удовлетворении заявления компании «Хендэ Корпорэйшн» о привлечении ряда лиц к субсидиарной ответственности отказано, не могут свидетельствовать о законности бездействия Смирнова С.В. Окончательный судебный акт по данному вопросу не принят, обособленный спор находится на рассмотрении в арбитражном суде округа.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20-4326](#)

Отказ в компенсации возникших у кредитора в банкротстве убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право кредитора (выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя). Освобождение страховой компании от выплаты страхового возмещения в пользу выгодоприобретателя в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего) противоречит пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует кредитору как пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых страхование осуществлено.

Общество обратилось в суд с иском к компании о взыскании 2 657 393,33 руб. убытков. К участию в деле в качестве третьего лица привлечена гражданка Чернышева Л.Н. Судами трех инстанций в иске отказано

Чернышева Л.Н. исполняла в обществе обязанности арбитражного управляющего при ведении дела о банкротстве общества.

В процедуре конкурсного производства Чернышева Л.Н. допустила расходование денежных средств из конкурсной массы общества, признанное незаконным действием с взысканием в пользу общества причиненных таким действием 4 072 196,56 руб. убытков.

Ответственность Чернышевой Л.Н. была застрахована компанией на основании полиса в период с 26.02.2016 по 25.02.2017.

Ответственность арбитражного управляющего за причинение убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на арбитражного управляющего обязанностей в деле о банкротстве подлежит страхованию в обязательном порядке на основании статьи 24.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Целью названного страхования как разновидности страхования ответственности за причинение вреда, осуществляемого в пользу лиц (выгодоприобретателей), которым может быть причинен вред (статья 931 Гражданского кодекса Российской Федерации), является гарантированная за счет средств страхового фонда имущественная защита в условиях ведущихся процедур банкротства.

Закон о банкротстве обязывает страховщика при наличии вступившего в законную силу решения суда о наступлении ответственности арбитражного управляющего (страхового случая) произвести страховую выплату в пользу лица (выгодоприобретателя), потерпевшего от действий управляющего (пункты 5, 7 статьи 24.1).

Отказ в компенсации возникших у общества в банкротстве убытков посредством выплаты страхового возмещения нарушает право общества (выгодоприобретателя) на имущественную защиту от незаконных действий арбитражного управляющего (страхователя).

Освобождение компании от выплаты страхового возмещения в пользу общества (выгодоприобретателя) в связи с умышленными действиями страхователя (арбитражного управляющего)

противоречит и пункту 1 статьи 963 ГК РФ, поскольку препятствует обществу как пострадавшему от таких действий лицу в возмещении убытков, на случай наступления которых страхование осуществлено.

В ситуации выплаты в условиях банкротства страхового возмещения в связи с причинением убытков вследствие умышленных действий страховщик защищен возможностью применения предусмотренного законодательством о банкротстве последствия – предъявления регрессного требования к арбитражному управляющему в размере произведенной страховой выплаты (пункт 9 статьи 24.1 Закона о банкротстве).

Довод компании о том, что возникшие в рассматриваемых обстоятельствах убытки не являются страховым случаем, противоречит правилам статьи 69 АПК РФ и упомянутым нормам Закона о банкротстве.

Возражения компании в отношении характера страхового случая не оказывают влияния на судьбу иска общества, не должно нести негативные последствия от действий арбитражного управляющего.

Иная оценка судами последствий поведения арбитражного управляющего в процедуре банкротства общества привела к незаконному отказу в иске, в связи с которым судебные акты подлежат отмене на основании части 1 статьи 291.11 АПК РФ.

Размер иска обоснован обществом и не опровергнут компанией, поэтому, отменяя состоявшиеся судебные акты, судебная коллегия принимает новый судебный акт об удовлетворении иска.

[Определение ВС РФ от 26.08.2020 № 308-ЭС20-2721](#)

1. Стороне, возражающей против утверждения конкретной кандидатуры арбитражного управляющего (либо саморегулируемой организации), достаточно подтвердить существенные и обоснованные сомнения в независимости управляющего, иными словами, зародить у суда разумные подозрения относительно приемлемости названной кандидатуры. Следовательно, в целях отклонения кандидатуры управляющего отсутствует необходимость доказывать его аффилированность с должником, такой подход является излишне строгим.

2. Поскольку законом вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, то суд не может быть связан при принятии соответствующего решения исключительно волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и впоследствии). Следовательно, положения статьи 45 Закона о банкротстве не исключают наличия у арбитражного суда дискреционных полномочий назначить арбитражного управляющего посредством случайного выбора саморегулируемой организации, что является наиболее оптимальным вариантом поиска управляющего для всех спорных ситуаций в условиях действующего правового регулирования.

В рамках дела о банкротстве должника после отстранения конкурсного управляющего Сергеева М.В. арбитражный суд рассматривал вопрос о назначении нового управляющего.

Судами первой и апелляционной инстанции по результатам случайного выбора саморегулируемой организации конкурсным управляющим утверждена Бейя К.М. Судом округа вопрос направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Предыдущий конкурсный управляющий должником Сергеев М.В. был отстранен от исполнения возложенных на него обязанностей.

Поскольку на собрании кредиторов решение о новом кандидате принято не было, суд запросил кандидатуру в СРО АУ «ЦФО», членом которой являлся отстраненный управляющий. Данная организация в итоге представила для утверждения кандидатуру Черепанова П.Ю.

Предложенный саморегулируемой организацией АУ «ЦФО» кандидат (Черепанов П.Ю.) является управляющим в другом деле о банкротстве ООО «Донпрессмаш-Энерго», в рамках которого его выбрали кредиторы, связанные с группой МТЕ и Волковым Д.Ю. Интересы названной группы, которая к тому же является связанной с должником, затронуты и в настоящем деле, в связи с чем Черепанов П.Ю. является кандидатом, в независимости и беспристрастности которого имеются сомнения.

Суды пришли к выводу, что выход из сложившейся ситуации возможен посредством назначения независимого арбитражного управляющего, представленного СРО, определенной методом случайного выбора, в связи с чем утвердили в качестве управляющего Бейя К.М.

Как разъяснено в пункте 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», суд не может допускать ситуации, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости у суда имеются существенные и обоснованные сомнения.

Таким образом, стороне, возражающей против утверждения конкретной кандидатуры арбитражного управляющего (либо саморегулируемой организации), достаточно подтвердить существенные и обоснованные сомнения в независимости управляющего, иными словами, зародить у суда разумные подозрения относительно приемлемости названной кандидатуры. Следовательно, в целях отклонения кандидатуры управляющего отсутствовала необходимость доказывать его аффилированность с должником, избранный судом округа подход является излишне строгим, что не согласуется с вышеназванными разъяснениями.

Отклоняя кандидатуру предложенного СРО АУ «ЦФО» управляющего Черепанова П.Ю., суды первой и апелляционной инстанции установили следующие обстоятельства: - у предыдущего конкурсного управляющего Сергеева М.В. (член СРО АУ «ЦФО»), Волкова Д.Ю. (предполагаемого, по мнению независимых кредиторов, контролирующего должника лица) и кредитора – общества «Логистик Партнерс» был в разные периоды времени общий представитель – Смирнов А.В.; - предложенный СРО АУ «ЦФО» вместо Сергеева М.В. арбитражный управляющий Черепанов П.Ю. является управляющим в другом деле (№ А53-4395/2016 о банкротстве общества «ДонпрессмашЭнерго»), в рамках которого его выбрали кредиторы, связанные с группой МТЕ и Волковым Д.Ю.; - в деле о банкротстве общества «Донпрессмаш-Энерго» интересы конкурсного управляющего представляла Петрикант А.В., в то же время данное лицо представляло интересы общества «МТЕ ДПМ» (связанного с группой МТЕ и Волковым Д.Ю.) в рамках настоящего дела; - в деле о банкротстве общества «Донпрессмаш-Энерго» интересы конкурсного управляющего представляла Бочкова Е.С., которая также представляла интересы и отстраненного конкурсного управляющего Сергеева М.В. и т.д.

По мнению судебной коллегии, хотя данные обстоятельства сами по себе не достаточны для констатации аффилированности Черепанова П.Ю. с должником и связанными с ним лицами, тем не менее, они свидетельствуют о наличии разумных подозрений в независимости предложенного управляющего, на что правильно указали суды первой и апелляционной инстанций.

Согласно позиции, изложенной в определении ВС РФ от 29.05.2020 № 305-ЭС19-26656, если у суда имеются разумные подозрения в независимости управляющего, то суд всегда имеет право затребовать кандидатуру другого управляющего. Поскольку законом вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, то суд не может быть связан при принятии соответствующего решения исключительно волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и впоследствии).

Следовательно, положения статьи 45 Закона о банкротстве не исключают наличия у арбитражного суда дискреционных полномочий назначить арбитражного управляющего посредством случайного выбора саморегулируемой организации, что является наиболее оптимальным вариантом поиска управляющего для всех спорных ситуаций в условиях действующего правового регулирования.

Таким образом, у суда округа не имелось оснований признать ошибочным случайный выбор саморегулируемой организации, даже если бы формально была нарушена процедура, предусмотренная статьей 45 Закона о банкротстве.

Ввиду изложенного следует признать правильными выводы суда апелляционной инстанции, который, оставляя без изменения определение от 26.08.2019, отметил, что в спорной ситуации назначение независимого арбитражного управляющего, представленного саморегулируемой организацией на основе случайного выбора, обеспечивает баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 16.07.2020 № 307-ЭС19-20020](#)

В случае банкротства векселедателя личные возражения от его имени (статьи 17 и 77 Положения о векселе, пункт 15 совместного постановления пленумов ВС РФ, ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей») могут быть заявлены не только самим вексельным должником как обязанным по векселю лицом, но и его кредиторами, а также иными вовлеченными в процесс банкротства заинтересованными лицами.

При заявлении векселедержателем о включении в реестр суммы задолженности на лицах, заявивших возражения, лежит бремя доказывания двух обстоятельств: отсутствия или недействительности обязательства, на основании которого векселя выданы должником, и недобросовестности кредитора в момент приобретения этих векселей.

Продавцом по сделке купли-продажи векселя как товара может быть лицо, которому принадлежат права из векселя. Векселедатель сам не имеет прав из векселя и, следовательно, не

может выступать в качестве продавца. При этом приобретение добросовестным лицом векселя, введенного ранее в гражданский оборот в отсутствие обязательства, не является правонарушением и не освобождает обязанное лицо от погашения вексельной задолженности.

В рамках дела о банкротстве общества «Грама» Латышев Михаил Михайлович обратился в суд с заявлением о включении его требования в реестр требований кредиторов.

Суды установили, что должник (векселедатель) принял на себя ряд вексельных обязательств в перед рядом юридических лиц. Затем по договорам купли-продажи векселей Латышев М.М. приобрел данные векселя у обществ (первых векселедержателей). Векселя индоссированы в пользу Латышева М.М.

В соответствии со статьями 17 и 77 Положения о векселе обязанное по простому векселю лицо может противопоставить векселедержателю возражения, основанные на его личных отношениях с предшествующими векселедержателями, если векселедатель, приобретая вексель, действовал сознательно в ущерб должнику.

В абзаце пятом пункта 15 совместного постановления пленумов ВС РФ, ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» для целей применения статьи 17 Положения, по сути, дано толкование понятия «сознательные действия в ущерб должнику». Таковыми являются, в частности, действия, совершенные в ситуации, когда держатель в момент приобретения векселя знал или должен был знать об отсутствии обязательства, лежащего в основе выдачи (передачи) векселя, либо участвовал в обмане в отношении этого векселя, либо знал или должен был знать об указанном обстоятельстве.

В случае банкротства векселедателя личные возражения от его имени могут быть заявлены не только самим вексельным должником как обязанным по векселю лицом, но и его кредиторами, а также иными вовлеченными в процесс банкротства заинтересованными лицами.

Таким образом, применительно к настоящему делу в силу статьи 65 АПК РФ на лицах, заявивших возражения, лежало бремя доказывания двух обстоятельств: отсутствия или недействительности обязательства, на основании которого векселя выданы обществом «Грама», и недобросовестности Латышева М.М. в момент приобретения этих векселей.

Согласно представленным в материалы документам векселя были выпущены обществом «Грама» в гражданский оборот на основании договоров, поименованных договорами купли-продажи векселей, заключенных обществом «Грама» и первыми векселедержателями.

Продавцом по сделке купли-продажи векселя как товара может быть лицо, которому принадлежат права из векселя. Векселедатель сам не имеет прав из векселя и, следовательно, не может выступать в качестве продавца (постановление Президиума ВАС РФ от 25.07.2011 № 5620/11 по делу № А12-6350/2010 Арбитражного суда Волгоградской области).

Таким образом, вручение обществом «Грама» собственных простых векселей первым держателям не является куплей-продажей ценных бумаг. С учетом изложенного суд апелляционной инстанции пришел к верному выводу о невозникновении между обществом «Грама» и первыми векселедержателями отношений по купле-продаже векселей как товара.

В рассматриваемом случае имели место сделки по выдаче обществом «Грама» собственных векселей первым держателям, которые сопровождались оформлением двусторонних соглашений, ошибочно названных договорами купли-продажи. Совершение обществом «Грама» сделок по выдаче векселей и, как следствие, принятие им обязательств по уплате вексельной суммы в силу статьи 815 ГК РФ могло быть направлено на удостоверение заемных обязательств между обществом «Грама» (заемщиком) и первыми держателями (займодавцами) – на подтверждение обязанности первого вернуть полученные от вторых денежные суммы.

Однако договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей (пункт 1 статьи 807 ГК РФ).

В обоснование реальности отношений по обязательству, лежащему в основе выдачи векселей, в материалы дела представлены письма первых векселедержателей об изменении назначений платежей. Все платежные поручения первых векселедержателей содержат ссылки на перечисление ими денежных средств в счет оплаты препаратов, ни по одному из договоров купли-продажи векселей они не оформляли расчетные документы, отсылающие к сделкам по выдаче векселей.

Приобретение добросовестным лицом векселя, введенного ранее в гражданский оборот в отсутствие обязательства, не является правонарушением и не освобождает обязанное лицо от погашения вексельной задолженности.

Однако в рассматриваемом случае, все первые векселедержатели отвечали признакам недействующих хозяйственных лиц: либо еще до приобретения либо сразу после приобретения Латышевым М.М. векселей.

Установленные судом апелляционной инстанции обстоятельства свидетельствуют о том, что Латышеву М.М. удалось отыскать руководителей фактически недействующих обществ, согласовать с ними проставление в свою пользу индоссаментов на векселях номинальной стоимостью около 600 млн. рублей и заключение договоров о продаже этих векселей с условием об отсрочке платежа на полгода, получить данные векселя без каких-либо реальных гарантий оплаты. С полугодовой рассрочкой и в отсутствие надлежащих гарантий оплаты он получил векселя и от трех других первых держателей. Такая ситуация могла возникнуть лишь при наличии доверительных отношений между лицами, передающими и получающими ценные бумаги. Подобного рода доверительные отношения обуславливают возможность передачи ценных бумаг гражданину, явно не намеренному оплачивать полученное.

Латышев М.М. не раскрыл какие-либо особые обстоятельства, которые бы свидетельствовали о том, что действия, очевидно выходящие за рамки принятого стандарта поведения независимых участников коммерческого оборота, были совершены в отсутствие связанности Латышева М.М. с первыми векселедержателями.

Наличие же отношений связанности с первыми держателями ценных бумаг предполагает осведомленность Латышева М.М. о порочности оснований выдачи векселей в момент их приобретения.

Поведение Латышева М.М., получившего векселя без реального встречного предоставления и не имеющего сохранивших правоспособность кредиторов - индоссантов, которые могли бы предъявить ему требование об оплате в будущем, свидетельствовало о создании лишь видимости добросовестного возмездного приобретения ценных бумаг и представляет собой использование презумпций Положения о векселе о существовании и действительности прав держателя векселя, а также конструкции абстрактных вексельных обязательств не в соответствии с их предназначением.

[Определение ВС РФ от 28.07.2020 № 305-ЭС17-16841\(66\)](#)

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги в виде записи по счетам утрачивают свое назначение как средство платежа. Банковские проводки, совершенные в этот период в отношении клиентов банка без использования корреспондентского счета кредитной организации, в результате которых произведены записи о пополнении счетов, по сути, означают, что получатели средств - владельцы счетов приобрели требования к банку на соответствующие суммы.

При этом в случае, если получатели реализовали свои права и предъявили суммы задолженности ко включению в реестр банка, однако судом им было отказано, уступка требования в пользу владельцев счетов не может считаться состоявшейся – в таком случае заявить о включении задолженности в реестр может цедент, со счета которого деньги переводились. Такое требование фактически является требованием о возврате остатка денежных средств на счете.

В такой ситуации от владельцев счетов не может требоваться исполнения каких-либо действий для установления требований цедента в реестре.

21.01.2016 компания со своего счета, открытого в банке, перевела на счета ряда физических лиц, также открытые в этом банке, 1 218 000 руб., 1 305 000 руб., 1 392 143,40 руб. и 1 392 000 руб.

24.02.2016 суд возбудил дело о банкротстве банка, а 07.04.2016 признал его банкротом и открыл конкурсное производство.

В рамках дела о банкротстве банка указанные физические лица обращались с заявлениями о включении их требований в названных размерах в реестр требований кредиторов должника. Производства по заявлениям прекращены.

Компания обратилась к конкурсному управляющему должника с заявлением о включении её требований в размере 1 218 000 руб., 1 305 000 руб., 1 392 143,40 руб. и 1 392 000 руб. в реестр.

Конкурсный управляющий отказал компании, указал, что остаток денежных средств на счете компании может быть восстановлен на основании соответствующих заявлений получателей денежных средств.

Компания обжаловала отказ конкурсного управляющего в рамках дела о банкротстве должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении возражений на отказ конкурсного управляющего отказано.

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги в виде записи по счетам утрачивают свое назначение как средство платежа. В связи с этим фактического поступления денежных средств на физических лиц от компании в рассматриваемом случае не произошло.

Вместе с тем в результате банковских проводок, осуществленных в отношении клиентов банка без использования корреспондентского счета кредитной организации, произведены записи о пополнении счетов физических лиц. По сути, эти действия означают, что компания уступила, а граждане как владельцы счетов приобрели требования к банку на соответствующие суммы.

В настоящем деле граждане реализовали свое право на получение денежных средств, однако принимая во внимание результаты рассмотрения арбитражным судом в рамках обособленных споров заявлений этих граждан, уступка данного требования не может считаться состоявшейся.

При таких обстоятельствах оснований для отказа в удовлетворении возражений компании и проверки обоснованности заявленного последней требования у судов не имелось.

Равным образом нельзя согласиться с поддержанной судами позицией конкурсного управляющего должника относительно необходимости совершения третьими лицами (получателями средств) определенных действий в целях установления соответствующего требования компании в реестре. После отзыва лицензии и введения в отношении банка конкурсного производства осуществление последним банковской деятельности стало невозможным, в связи с чем настоящее требование компании, по сути, является требованием о возврате остатка денежных средств на счете (пункт 5 статьи 859 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 30.07.2020 № 310-ЭС18-12776 \(2\)](#)

Об отсутствии реального характера заемных отношений, в том числе существовавших между должником и его руководителем, могут свидетельствовать доводы конкурирующих лиц о наличии денежных потоков между должником и связанными с ним лицами, очевидная неразумность поведения руководителя, сомнительность его версии развития событий, отсутствие у директора дохода, позволяющего предоставить займы, участие должника и другой организации, возглавляемых одним и тем же руководителем-займодавцем, в незаконной схеме, сопряженной с созданием фиктивного документооборота, получение директора денежных средств от одного из участников данной схемы.

Если такие обстоятельства будут установлены, то вероятность того, что денежные средства являлись средствами группы организаций, в которую входил должник, находящимися в теневом обороте, возвращаемыми на расчетные счета последнего по мере необходимости совершения им тех или иных расходных операций, выше, чем вероятность существования между должником и его руководителем заемных отношений, регулируемых положениями параграфа первого главы 42 ГК РФ, а значит, факт выдачи займов не может считаться доказанным.

В рамках дела о банкротстве должника общество обратилось в суд с заявлением о включении его требований в сумму 253 001 000 рублей в реестр.

Апелляционный суд, рассмотрев обособленный спор по правилам рассмотрения дела арбитражным судом первой инстанции, признал требования общества обоснованными в сумме 239 595 500 рублей.

В обоснование своих требований о включении задолженности в реестр общество сослалось на 33 договора беспроцентного займа, заключенных Фондуракиным А.И. (займодавцем) и должником (заемщиком).

В период выдачи займов Фондуракин А.И. являлся руководителем должника.

В качестве доказательств исполнения обязательств займодавцем общество представило копии платежных поручений, приходных кассовых ордеров и квитанций к ним, а также выписки по банковским счетам. Большую часть денежных средств Фондуракин А.И. внес наличными в кредитные организации и сразу после этого перечислил их на счет должника в качестве беспроцентных займов, остальные средства он внес наличными в кассу должника.

Как указывает общество, Фондуракин А.И. в 2011 – 2014 годах предоставлял денежные средства по договорам займа на регулярной основе (как правило, не реже одного раза в месяц, иногда несколько раз в месяц, на суммы от нескольких тысяч до нескольких миллионов рублей). Должник израсходовал заемные

средства и не исполнил обязательство по их возврату. Фондуракин А.И. и должник составили акт сверки взаимных расчетов, согласно которому по состоянию на 31.12.2014 задолженность заемщика составила 254 804 500 рублей.

Впоследствии Фондуракин А.И. (цедент) и общество (цессионарий) 15.08.2016 заключили договор уступки требований (в редакции дополнительного соглашения от 17.08.2016), в соответствии с которым цедент уступил цессионарию за 100 000 рублей требования к должнику в сумме 254 804 500 рублей.

Письмом от 04.10.2016 общество уведомило должника о приобретении требований у Фондуракина А.И.

Фактические обстоятельства спора указывали на то, что презумпция разумности поведения Фондуракина А.И. была опровергнута. Его поведение не соответствовало типичной модели поведения обычного гражданина – участника гражданского оборота, находящегося в схожих обстоятельствах, оно противоречило интересам самого Фондуракина А.И. и логически не вытекало из ситуации, в которой он находился. Выдвинутая Фондуракиным А.И. версия развития событий является неправдоподобной.

Из полученных по запросу суда справок налогового органа о доходах Фондуракина А.И. за 2011 – 2014 годы следует, что его месячный доход составлял порядка 20 тыс. рублей. Такой доход не мог стать источником финансирования должника. Осознавая это, Фондуракин А.И. представил в материалы дела копию письменных пояснений Ятченко А.В., подтвердившего передачу 100 млн. рублей займа Фондуракину А.И. Фондуракин А.И. ссылался на то, что полученное от Ятченко А.В. перенаправлялось им должнику в рамках исполнения договоров займа, требования по которым позднее были уступлены обществу.

Данные Фондуракиным А.И. пояснения относительно того, что он, получая ежемесячную заработную плату в 20 тыс. рублей, ради предприятия, на котором работал, занял 100 млн. рублей у другого гражданина, приняв личные долговые обязательства, несопоставимые с его доходами, и затем на протяжении нескольких лет передавал денежные средства (более чем 200 млн. рублей) займа этому предприятию в расчете на эфемерные бонусы, которые за все эти годы так ни разу и не получил, настолько нелогичны, экономически абсурдны, что не могли не вызвать обоснованные сомнения в их правдивости, и поэтому должны были быть оценены судами критически.

Банк, оспаривая реальный характер заемных отношений, приводил не только доводы о наличии денежных потоков между должником и связанными с ним лицами. Кроме этого обстоятельства банк указывал на целый ряд фактов: очевидную неразумность поведения Фондуракина А.И., сомнительность его версии развития событий; отсутствие у Фондуракина А.И. дохода, позволяющего предоставить займы; участие должника и другой организации, возглавляемых Фондуракиным А.И., в незаконной схеме, сопряженной с созданием фиктивного документооборота; получение Фондуракиным А.И. денежных средств от одного из участников данной схемы.

Если указанные банком обстоятельства соответствовали действительности, то вероятность того, что денежные средства, преданные Фондуракиным А.И., являлись средствами группы организаций, в которую входил должник, находящимися в теневом обороте, возвращаемыми на расчетные счета последнего по мере необходимости совершения им тех или иных расходных операций, выше, чем вероятность существования между должником и Фондуракиным А.И. заемных отношений, регулируемых положениями параграфа первого главы 42 ГК РФ, а значит, факт выдачи займов не мог считаться доказанным. В таком случае в силу статьи 65 АПК РФ именно общество как правопреемник Фондуракина А.И. должно было устранить разумные сомнения, то есть более убедительно обосновать наличие долга из договоров займа, не ограничиваясь представлением лишь текстов договоров и расчетных документов, подтвердив, помимо прочего, источник доходов, за счет которых Фондуракиным А.И. предоставлялись займы.

[Определение ВС РФ от 06.08.2020 № 307-ЭС18-16859 \(3\)](#)

Возникновение права на предъявление кредитором восстановленного требования к должнику обусловлено возвратом в конкурсную массу должника имущества, полученного кредитором по недействительной сделке. Для удовлетворения восстановленного требования, во-первых, оно должно быть заявлено в течение двух месяцев со дня вступления в законную силу судебного акта о признании недействительной сделки и о применении последствий ее недействительности; во-вторых, в пределах этого же двухмесячного срока кредитор по восстановленному требованию должен осуществить возврат в конкурсную массу должника имущества, полученного по этой сделке. При этом право кредитора на предъявление такого требования не может возникнуть ранее возврата последним имущества в конкурсную массу должника.

Ответственность в виде понижения очередности удовлетворения восстановленного требования для контрагента по сделке не наступает в случае, если такой контрагент добросовестно предпринял действия по возврату имущества в конкурсную массу, однако имущество не возвратил в связи с бездействием по этому поводу арбитражного управляющего.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника его требования в размере 76 025 573,61 руб. как обеспеченного залогом имущества должника.

Суд округа признал требование кредитора обоснованным и подлежащим удовлетворению за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр.

Должником и банком заключены договоры поручительства и ипотеки в обеспечение исполнения обязательств общества «Бронеавтомобили» по кредитному договору с банком.

13.07.2015 судом утверждено мировое соглашение, по условиям которого сторонами признается наличие задолженности общества «Бронеавтомобили» в сумме 82 550 230,43 руб., обязательство в размере 76 025 573,61 руб. (сумма кредита и начисленных процентов) прекращено предоставлением должником отступного в виде залогового недвижимого имущества, а финансовые санкции в размере 6 524 656,82 руб. прощены.

На основании акта от 14.07.2015 должник (залогодатель) передал банку объекты недвижимости, за последним зарегистрировано право собственности на имущество.

Позднее сделка по передаче должником банку недвижимого имущества (об отступном), являвшегося предметом ипотеки, признана недействительной. В порядке применения последствий недействительности сделки на банк возложена обязанность возвратить должнику полученное имущество.

Возникновение права на предъявление кредитором восстановленного требования к должнику обусловлено возвратом в конкурсную массу должника имущества, полученного кредитором по недействительной сделке. Такое право может быть реализовано в установленном пунктом 1 статьи 142 Закона о банкротстве срок, исчисляемый с даты вступления в законную силу судебного акта, которым сделка признана недействительной (пункт 1 статьи 61.2, пункт 3 статьи 61.6 Закона о банкротстве; абзацы 1, 2, 4 пункта 27 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Закона о банкротстве»).

Из приведенных норм права и разъяснений следует, что для удовлетворения восстановленного требования, во-первых, оно должно быть заявлено в течение двух месяцев со дня вступления в законную силу судебного акта о признании недействительной сделки и о применении последствий ее недействительности; во-вторых, в пределах этого же двухмесячного срока кредитор по восстановленному требованию должен осуществить возврат в конкурсную массу должника имущества, полученного по этой сделке. При этом право кредитора на предъявление такого требования не может возникнуть ранее возврата последним имущества в конкурсную массу должника.

Добросовестность банка, как необходимое условие для включения его восстановленного требования в реестр с удовлетворением в составе требований третьей очереди, подтверждена судом округа.

Последствия признания недействительной сделки по передаче предмета залога в качестве отступного, согласно пункту 1 статьи 61.6 Закона о банкротстве, заключаются в возложении на залогодержателя обязанности по возврату его в конкурсную массу и восстановлении задолженности перед ним; также восстанавливается право залога по смыслу подпункта 1 пункта 1 статьи 352 ГК РФ (абзац 5 пункта 29.3 постановления № 63).

Применительно к рассматриваемому спору это означает, что возникшее из договора ипотеки обременение в виде залога на имущество, переданное должником банку в качестве отступного, после признания сделки об отступном недействительной подлежало восстановлению в силу закона.

В такой ситуации правоотношения сторон спорной сделки образуют сложный юридический состав, включающий в себя обязанность банка по возврату имущества в конкурсную массу должника и одновременную равносильную обязанность последнего в лице арбитражного управляющего принять это имущество с восстановлением обременения в виде залога. В противном случае (возврата имущества без сохранения обременения) банк фактически утрачивает возможность получить максимальное удовлетворение своих требований за счет залогового имущества, что противоречит природе обеспечительных обязательств.

Вопрос, касающийся исполнения судебного акта в части применения последствий недействительности спорной сделки, являлся предметом длительных переговоров сторон, что отобразилось в письме банка,

которое последний направил должнику с просьбой принять имущество и обратиться в регистрирующий орган с заявлением о регистрации перехода права собственности на имущество с установлением обременения права в виде залога в пользу банка.

В свою очередь, должник в лице конкурсного управляющего, ссылаясь на невозможность восстановления за банком статуса залогодержателя, требуемых от него действий по принятию имущества и обращению в регистрирующий орган с соответствующим заявлением не предпринял.

Доказательств обратного не представлено.

При таких обстоятельствах ответственность в виде понижения очередности удовлетворения восстановленного требования для банка не наступает (пункт 3 статьи 405 ГК РФ).

[Определение ВС РФ от 10.08.2020 № 306-ЭС20-1077 \(2\)](#)

При рассмотрении заявления о включении в реестр требований кредиторов требования аффилированного с должником лица дополнительно к факту реальности договорных отношений судам надлежит установить: имело ли место финансирование должника со стороны такого кредитора; предоставил ли кредитор, аффилированный с должником, финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент получения им финансирования.

Наряду с выдачей займов, являющейся самой распространенной формой финансирования, финансирование может осуществляться посредством авансирования должника (предварительной оплаты приобретаемого у него товара) – предоставления ему средств в счет оплаты товара до его передачи, то есть путем проведения расчетов по договору купли-продажи с отступлением от диспозитивных правил пункта 1 статьи 486 ГК РФ. По смыслу разъяснений, данных в пункте 3.2 обзора судебной практики от 29.01.2020 г., если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства.

Общество "Роял Тайм" (далее - общество) обратилось в суд с заявлением о включении его требований в сумму 563 663 011,72 руб. в реестр общества «Роял Тайм Групп» (далее – должник).

Требования общества включены в реестр с удовлетворением в третью очередь.

Обществом и должником заключены два договора займа от 06.06.2014 и от 26.11.2018, в соответствии с которыми общество предоставило должнику денежные средства на срок до 31.12.2017 и до 26.12.2018 соответственно.

По состоянию на 25.02.2019 общая сумма задолженности составила: 526 482 478,84 руб.

Кроме того, должник (продавец) и общество (покупатель) заключили договор купли-продажи недвижимости (нежилых помещений) от 01.03.2018. Цена договора составила 26 045 000 рублей.

Общество несколькими платежами внесло 100-процентную предварительную оплату по договору купли-продажи.

В связи с невозможностью регистрации перехода права собственности на имущество по причине наличия обременения (залоговых обязательств должника), 06.12.2018 должник и общество заключили соглашение о расторжении договора купли-продажи, по которому должник обязался возвратить обществу полученные по сделке 26 045 000 руб. в течение 5 дней.

Должник обязательство по возврату денежных средств не исполнил.

Судами установлена аффилированность сторон названных сделок: должник являлся мажоритарным участником общества с долей в уставном капитале в размере 98,5 процента.

Установленные судами реальность заемных отношений и отношений по купле-продаже, целесообразность финансирования должника аффилированным обществом не определяют то, каким образом должен быть разрешен вопрос об очередности погашения требований о возврате данного финансирования: наравне с требованиями независимых кредиторов или нет.

В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (далее – обзор судебной практики), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, обобщены правовые подходы, применение которых позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее – компенсационное финансирование), в частности, с использованием конструкции договора займа и других договорных конструкций, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов (пункт 1 статьи 2 ГК РФ).

В том же положении, что и контролирующее лицо, находится кредитор, не обладающий контролем над должником, аффилированный с последним, предоставивший компенсационное финансирование под влиянием контролирующего должника лица (пункт 4 обзора судебной практики).

Таким образом, дополнительно к факту реальности договорных отношений судам надлежало установить: имело ли место финансирование должника со стороны общества, в том числе по договору купли-продажи; предоставило ли общество - кредитор, аффилированное с должником, финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент получения им финансирования.

Выдача займов является наиболее распространенной формой финансирования. Наряду с этим финансирование может осуществляться посредством авансирования должника (предварительной оплаты приобретаемого у него товара) – предоставления ему средств в счет оплаты товара до его передачи, то есть путем проведения расчетов по договору купли-продажи с отступлением от диспозитивных правил пункта 1 статьи 486 ГК РФ). По смыслу разъяснений, данных в пункте 3.2 обзора судебной практики, если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства.

В ходе рассмотрения настоящего спора аффилированное по отношению к должнику общество (покупатель) не отрицало, что земельный участок, на котором располагались отчуждаемые объекты, находился в залоге. Несмотря на это полная оплата по договору купли-продажи произведена до появления объективной возможности регистрации перехода права собственности на нежилые помещения к покупателю. Впоследствии договор купли-продажи расторгнут по причине неполучения согласия залогодержателя на совершение сделки. В сложившейся ситуации следовало признать, что должник (продавец) использовал аванс в своей хозяйственной деятельности, а выдача ему предварительной оплаты являлась формой его финансирования.

В силу статьи 65 АПК РФ именно общество должно было подтвердить, что, предоставляя финансирование, оно действовало самостоятельно, в отсутствие соглашения с ее конечным бенефициаром, поведение кредитора и названной компании не являлось скоординированным.

В период с июня 2014 года по август 2017 года, в марте 2018 года, ноябре – декабре того же года по договорам займа и договору купли-продажи денежные средства предоставлялись обществом на регулярной основе (несколько сотен перечислений), по меньшей мере, два - три раза в месяц, а в отдельные периоды – ежедневно, суммы траншей значительно различались (от одной тысячи до десятков миллионов рублей). Также суды установили, что полученное финансирование направлялось должником на погашение задолженности по кредитным договорам, выплату заработной платы, прочие операционные расходы.

Установленные судами обстоятельства, касающиеся того, каким образом финансирование выделялось обществом и как оно расходовалось должником – систематическое перечисление денежных средств на протяжении длительного периода времени для проведения расчетов с кредиторами по текущим обязательствам, вероятнее всего свидетельствовали об отсутствии у должника возможности производить эти расчеты за счет собственных денежных средств, то есть о его объективной неплатежеспособности в этот период времени (обстоятельства, указанного в абзаце шестом пункта 1 статьи 9 Закона о банкротстве), которая скрывалась от третьих путем использования ресурсов связанной организации, реализующей публично нераскрытый план финансовой поддержки должника в условиях его неплатежеспособности, разработанный кипрской компанией (ее конечным бенефициаром).

[Определение ВС РФ от 14.08.2020 № 308-ЭС19-9133\(15\)¹](#)

¹ См. также [Определение ВС РФ от 14.08.2020 № 308-ЭС19-9133\(12\)](#), [Определение ВС РФ от 31.08.2020 № 308-ЭС19-9133\(17\)](#)

При рассмотрении спора о включении в реестр требований кредиторов требований аффилированного лица судам необходимо исследовать следующие обстоятельства: раскрыты ли заявителем обстоятельства, предшествующие заключению спорных сделок и разумные экономические мотивы, побудившие заключить сделки при наличии сведений о неудовлетворительном финансовом состоянии должника; раскрыт ли источник финансирования должника, опровергнут ли документально транзитный характер сделок; обосновал ли заявитель необходимость предоставления должнику нового финансирования при наличии у него задолженности по предыдущему финансированию и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата денежных средств иными лицами, входящими в одну группу компаний; не направлены ли действия аффилированных лиц на создание ситуации контролируемого банкротства.

Общество «АЭНП» в рамках дела о банкротстве должника обратилось с заявлением о включении в реестр 1 849 659 456,88 руб. задолженности по договорам займа, 174 632 956,94 руб. процентов за пользование кредитом, 336 495 115,18 руб. неустойки.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Между компанией Спаркель Сити Инвест ЛТД (займодавец) и должником (заемщик) был заключен ряд договоров займа.

В дальнейшем на основании договоров уступки права требования к должнику перешли сначала к компании Смарт Резолут ЛТД, а впоследствии, после введения в отношении должника процедуры наблюдения, к обществу «АЭНП».

Для предотвращения включения в реестр необоснованных требований к должнику и нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника – банкрота, предъявляются повышенные требования.

При этом необходимо иметь в виду, что целью проверки обоснованности требований является недопущение включения в реестр необоснованных требований, поскольку такое включение приводит к нарушению прав и законных интересов кредиторов, имеющих обоснованные требования, а также должника и его учредителей (участников).

При рассмотрении обоснованности требований кредитора подлежат проверке доказательства возникновения задолженности в соответствии с материально-правовыми нормами, которые регулируют обязательства, не исполненные должником.

В предмет доказывания по спорам об установлении обоснованности и размера требований кредиторов входит оценка сделки на предмет ее заключенности и действительности, обстоятельств возникновения долга, о реальности возникших между сторонами заемных отношений, установления факта наличия (отсутствия) общих хозяйственных связей между кредитором и должником, экономической целесообразности заключения сделки, оценка поведения сторон с точки зрения наличия или отсутствия злоупотребления правом при заключении сделки.

При оценке допустимости включения основанных на договорах займа требований участников следует детально исследовать природу соответствующих отношений, сложившихся между должником и займодавцем, а также поведение потенциального кредитора в период, предшествующий банкротству.

Кредитор, заявивший требования к должнику, как и лица, возражающие против этих требований, обязаны доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований или возражений (статья 65 АПК РФ).

В условиях банкротства должника, а, значит, очевидной недостаточности у него денежных средств и иного имущества для расчета по всем долгам, судебным спором об установлении требования конкурсного кредитора затрагивается материальный интерес прочих кредиторов должника, конкурирующих за распределение конкурсной массы в свою пользу. В сохранении имущества банкрота за собой заинтересованы его бенефициары, что повышает вероятность различных злоупотреблений, направленных на создание видимости не существовавших реально правоотношений.

При рассмотрении настоящего обособленного спора суды первой и апелляционной инстанций установили, что конечный бенефициар займодавца (компания Спаркель Сити Инвест ЛТД) и конечный бенефициар заемщика (общества «Архэнергосбыт») были связаны формальными признаками родства (зарегистрированный брак детей) и на дату заключения договоров займа были формально аффилированы.

Если стороны рассматриваемого дела являются аффилированными лицами, то к требованию истца должен быть применен еще более строгий стандарт доказывания, чем к обычному кредитору в деле о банкротстве, поскольку общность экономических интересов, в том числе, повышает вероятность представления кредитором внешне безупречных доказательств исполнения по существу фиктивной сделки с противоправной целью последующего распределения конкурсной массы в пользу «дружественного» кредитора и уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю кредиторов независимых (определения ВС РФ от 26.05.2017 № 306-ЭС16-20056 (6), от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784), что не отвечает стандартам добросовестного осуществления прав. При этом наличие в действиях стороны злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во взыскании долга (статья 10 ГК РФ, пункт 4 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», далее – постановление № 63).

В пункте 4 постановления № 63 разъяснено, что наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 или 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

В рассматриваемом обособленном споре, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по сделкам, суды правомерно пришли к выводу о том, что сделки, положенные в основу заявленного требования, являются недействительными на основании статей 10, 168 ГК РФ как направленные на получение противоправным путем контроля над банкротством фактически аффилированным кредитором (займодавцем), что свидетельствует о злоупотреблении правом сторонами сделки в целях причинения имущественного вреда кредиторам.

Суды при этом исходили из установленных обстоятельств того, что в период подписания договоров займа заемщик (должник) обладал признаками неплатежеспособности, приведенными в абзаце тридцать четвертом статьи 2 Закона о банкротстве, а также в производстве арбитражного суда находилось дело о банкротстве должника; отсутствовала разумная экономическая целесообразность подписания договоров займа и заключения договоров цессии.

Суды также указали на то, что заявителем не раскрыты обстоятельства, предшествующие заключению спорных сделок и разумные экономические мотивы, побудившие заключить сделки займа и цессии при наличии сведений о неудовлетворительном финансовом состоянии должника; не раскрыт источник, за счет которого производилась выдача займов, документально не опровергнут транзитный характер сделок; заявитель не обосновал необходимость предоставления должнику нового финансирования при наличии у него задолженности по ранее выданным займам и информации о дополнительном принятии должником на себя обязательств по обеспечению возврата займов иными лицами, входящими в одну группу компаний.

В рамках рассматриваемого обособленного спора суды оценили поведение займодавца, заемщика и общества «АЭНП» как недобросовестное, указав на наличие признаков злоупотребления правом, поскольку стороны не преследовали достижения разумных хозяйственных целей, их действия были направлены на создание ситуации контролируемого банкротства.

[Определение ВС РФ от 20.08.2020 № 309-ЭС20-2354 \(1, 2\)](#)

При наличии двух конкурирующих судебных актов, один из которых формально подтверждает наличие задолженности должника перед кредитором, а другим установлен факт отсутствия задолженности, суду в деле о банкротстве, в котором заявлено такое спорное требование, надлежит выяснить, какие именно обстоятельства исследовались при вынесении спорных судебных актов, имеется ли между данными судебными актами подлинная конкуренция, требующая повторного установления всех существенных обстоятельств.

В случае, если в судебном акте, которым формально наличие задолженности подтверждено, тем не менее не опровергаются выводы другого суда о том, что должник и кредитор входят в группу аффилированных лиц и основное обязательство, из которого вытекает обеспечительное обязательство между должником и кредитором, признано несуществующим, надлежит учитывать таковые доводы суда, не опровергнутые судом, установившим наличие задолженности.

При таких условиях между судебными актами отсутствует подлинная конкуренция: выводы по первому делу не могли противопоставляться и опровергать выводы, к которым пришел суд в другом деле.

Общество «Каменный пояс» обратилось с заявлением о включении требования в сумме 81 612 022,49 руб. в реестр требований кредиторов должника.

Судами первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Между Бровцевым С.В. (покупателем), а также Шардиным А.А. и Шардиной А.П. (продавцами) заключены 18 договоров купли-продажи долей в обществах, входящих в группу «Витус», на общую сумму 100 000 001 руб.

Общество «Строй-Контраст» выдало поручительство в целях обеспечения исполнения Бровцевым С.В. обязательств по оплате долей.

Впоследствии общество «Строй-Контраст» как поручитель погасило задолженность Бровцева С.В. перед Шардиными, в связи с чем соответствующее право требования оплаты за доли перешло к обществу в порядке суброгации.

09.07.2012 общество «Строй-Контраст» и Бровцев С.В. новировали обязательство по оплате долей в заемное с уплатой процентов в размере 25% годовых. 31.12.2012 общество «Строй-Контраст» уступило обществу «Каменный пояс» право требования по названному договору займа.

25.01.2013 общество «Профит» в целях обеспечения исполнения Бровцевым С.В. своих обязательств по возврату займа передало обществу «Каменный пояс» в залог ценные бумаги.

В тот же день аналогичное обеспечение в виде залога ценных бумаг предоставил должник. Кроме того, должник выдал за Бровцева С.В. поручительство.

Впоследствии в отношении общества «Профит» было возбуждено дело о банкротстве, в рамках которого обществу «Каменный пояс» отказано во включении в реестр требований кредиторов на основании указанного выше договора залога (определение от 11.07.2017). В рамках названного обособленного спора суд пришел к выводу, что участники цепочки сделок являлись аффилированными лицами, а подобная структура отношений была необходима для создания внутригрупповой контролируемой задолженности на случай банкротства кого-либо из членов группы.

После этого апелляционным определением краевого суда от 25.04.2018 были удовлетворены иски общества «Каменный пояс». В частности, в его пользу с Бровцева С.В., должника, обществ «Капитал-Инвест» и «Бриг-Девелопмент» взысканы денежные средства в сумме 89 258 122,49 руб.

Таким образом, перед судом по настоящему делу стояла задача разрешить спор в условиях наличия конкурирующих между собой судебных актов по вопросу существования долга перед кредитором – обществом «Каменный пояс».

Согласно частям 2 и 3 статьи 69 АПК РФ преюдициальное значение имеют обстоятельства, относящиеся к лицам, участвующим в деле, и установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда и суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу.

При наличии противоречивых выводов об обстоятельствах дела, изложенных во вступивших в законную силу судебных актах арбитражного суда и суда общей юрисдикции, при разрешении спора суд не может ограничиться формальной ссылкой на результат рассмотрения спора по одному из данных дел и на положения статьи 69 АПК РФ (определение ВС РФ от 17.11.2016 № 305-ЭС14-7445). В такой ситуации суд должен самостоятельно повторно установить фактические обстоятельства дела и на основе этого разрешить спор.

В то же время при рассмотрении иска суд должен учесть обстоятельства ранее рассмотренных дел. Если суд придет к иным выводам, нежели содержащиеся в судебных актах по ранее рассмотренным делам, он должен указать соответствующие мотивы (применительно к разъяснениям пункта 4 постановления Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»).

Поэтому в спорной ситуации для начала было необходимо проанализировать те выводы, к которым пришли арбитражный суд и суд общей юрисдикции по ранее рассмотренным делам, а затем уже решить, имеется ли между данными судебными актами подлинная конкуренция, требующая повторного установления всех существенных обстоятельств.

Так, в рамках первого дела арбитражные суды (первой инстанции и округа) пришли к следующим выводам.

Суды в рамках первого дела указали, что движение денежных средств заинтересованными лицами не раскрыто, несмотря на приводимые незаинтересованными кредиторами возражения о том, что в данном случае могло иметь место внутригрупповое движение денежных средств.

Суды пришли к выводам, что в данном случае имели место согласованные действия взаимосвязанных лиц, которые не отвечают принципам разумности и экономической целесообразности, направлены на создание подконтрольной кредиторской задолженности. Опровержение указанных обстоятельств в силу существующего стандарта и распределения бремени доказывания возложено именно на аффилированного кредитора, заявившего требования о включении в реестр. Между тем обществом «Каменный пояс» разумные экономические мотивы выбора указанной конструкции правоотношений, способа движения денежных средств при расчетах, в том числе направление их на приобретение векселей у самого же общества «Каменный пояс», а также конечный бенефициар указанной цепочки сделок не раскрыты. Исходя из этого суды отметили, что через совокупность договоров с лицами внутри группы при обеспечении формального документооборота и отражении финансовых операций в бухгалтерском учете была создана подконтрольная фиктивная кредиторская задолженность, используемая для последующего уменьшения объема требований независимых кредиторов.

Таким образом, в рамках первого дела арбитражные суды фактически исходили из отсутствия основного обязательства Бровцева С.В. перед обществом «Каменный пояс» и, как следствие, не усмотрели оснований для включения требования по обязательству дополнительному.

После того, как общество «Каменный пояс» получило отказ в установлении своего требования в реестре общества «Профит», оно обратилось в суд общей юрисдикции к иным должникам по обязательству с иском о взыскании денежных средств.

В рамках второго дела краевой суд, обладая информацией о результатах рассмотрения первого дела, отклонил мотивы, по которым арбитражный суд пришел к соответствующим выводам. Как отметил суд общей юрисдикции, предметом иска являлось не признание сделок недействительными (ничтожными), а взыскание задолженности по договору займа. Согласно позиции краевого суда, проявляя собственную инициативу, арбитражный суд не учел, что ответчики имели возможность самостоятельно защитить свои права и законные интересы путем предъявления иска о признании сделок недействительными (ничтожными) и применении последствий недействительности ничтожной сделки, однако таких требований не заявляли.

В связи с этим суд общей юрисдикции пришел к выводам об отсутствии оснований для отказа во взыскании в пользу общества «Каменный пояс» денежных средств. Суд принял во внимание и позицию ответчиков, не возражавших против удовлетворения иска. Как отметил суд, само по себе установление арбитражным судом отсутствия экономической выгоды и целесообразности, отсутствия реальной деловой цели заключения договоров не может служить основанием для отказа в удовлетворении исковых требований.

Вместе с тем, судебная коллегия отмечает, что в рамках второго дела суд общей юрисдикции не опроверг выводы арбитражного суда о транзитном характере движения денежных средств внутри группы лиц, о заключении обеспечительных сделок для наращивания внутригрупповой кредиторской задолженности, подконтрольной бенефициарам группы, об отсутствии дополнительных (обеспечительных) обязательств ввиду несуществования обязательства основного. Суд общей юрисдикции ограничился лишь формальным набором доказательств и констатацией фактов заключения договоров и совершения платежных операций, то есть в условиях, когда обязательства сторон были столь сложно сконструированы, не установил всю совокупность отношений сторон.

В отличие от краевого суда арбитражный суд в рамках первого дела полно и всесторонне определил отношения сторон, вникнув в суть совершенных сделок. При таких условиях между судебными актами отсутствовала подлинная конкуренция: выводы по второму делу, рассмотренному судом общей юрисдикции, не могли противопоставляться и опровергать выводы, к которым пришел арбитражный суд в первом деле.

[Определение ВС РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС20-8593](#)

В соответствии с п. 6.2 Обзора от 29.01.2020 подлежит понижению в очередности требование контролирующего должника лица, если такой аффилированный кредитор приобрел у независимого кредитора требование к должнику на фоне имущественного кризиса последнего, создав тем самым условия для отсрочки погашения долга, то есть фактически профинансировал должника. Данное правило обусловлено тем, что, когда должник находится в состоянии имущественного кризиса, приобретение требования у независимого кредитора позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию

его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности

В отличие от обозначенной ситуации после введения процедуры по делу о банкротстве невозможно скрыть неблагоприятное финансовое положение, так как такая процедура является публичной, открытой и гласной. Об осведомленности независимых кредиторов о наличии процедуры банкротства свидетельствует и сам факт включения их требований в реестр. В связи с этим выкуп задолженности у таких кредиторов по договору цессии контролирующим должника лицом не может рассматриваться как направленный на предоставление должнику компенсационного финансирования, такое требование не подлежит понижению в очередности.

Косов С.В. обратился с заявлением о процессуальной замене кредитора третьей очереди - ПАО «Ростелеком» с требованием в размере 2 048 291,95 руб. на его правопреемника - Косова С.В.

Судом округа требование Косова С.В. в размере 2 048 291,95 руб. признано обоснованным, но подлежащим удовлетворению в очереди, предшествующей распределению ликвидационной квоты).

Определением от 02.08.2018 в третью очередь реестра требований кредиторов должника включены требования ПАО «Ростелеком» в размере 2 048 291,95 руб.

Впоследствии между ПАО «Ростелеком» и Косовым С.В. был заключен договор уступки права требования от 21.05.2019, согласно которому ПАО «Ростелеком» уступило вышеуказанное право требования к должнику, цена передаваемых прав составила 204 829,20 руб.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым заинтересованность (аффилированность) лица является самостоятельным основанием для отказа во включении в реестр требований кредиторов либо основанием для понижения очередности удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными.

Вместе с тем, из указанного правила имеется ряд исключений, которые проанализированы в Обзоре, обобщившим правовые подходы, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Так, в пункте 6.2 Обзора раскрыта ситуация, когда очередность удовлетворения требования кредитора, являющегося контролирующим должника лицом, понижается (требование подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты), если этот кредитор приобрел у независимого кредитора требование к должнику на фоне имущественного кризиса последнего, создав тем самым условия для отсрочки погашения долга, то есть фактически профинансировал должника.

Однако в рамках настоящего спора приобретение требования к должнику по договору цессии осуществлено аффилированным лицом после признания должника банкротом.

Данное обстоятельство не позволяет рассматривать такое приобретение как способ компенсационного финансирования должника в том смысле, который заложен в пункте 6.2 Обзора.

Когда должник находится в состоянии имущественного кризиса, приобретение требования у независимого кредитора позволяет отсрочить погашение долга, вводя третьих лиц в заблуждение относительно платежеспособности должника и создавая у них иллюзию его финансового благополучия, что исключает необходимость подачи заявлений о банкротстве. В такой ситуации контролирующее либо аффилированное лицо принимает на себя риск того, что должнику посредством использования компенсационного финансирования в конечном счете удастся преодолеть финансовые трудности и вернуться к нормальной деятельности (пункт 3.1 Обзора).

В ситуации, когда скрытый от кредиторов план выхода из кризиса не удалось реализовать, естественным следствием принятия подобного риска является запрет на противопоставление требования о возврате компенсационного финансирования независимым кредиторам, из чего вытекает необходимость понижения очередности удовлетворения требования аффилированного лица.

В отличие от обозначенной ситуации после введения процедуры по делу о банкротстве невозможно скрыть неблагоприятное финансовое положение, так как такая процедура является публичной, открытой и гласной. Об осведомленности независимых кредиторов о наличии процедуры банкротства свидетельствует и сам факт включения их требований в реестр. В связи с этим выкуп задолженности у таких кредиторов не может рассматриваться как направленный на предоставление должнику компенсационного финансирования.

Таким образом, пункт 6.2 Обзора не подлежит применению в ситуации, когда аффилированное лицо приобретает требование у независимого кредитора в процедурах банкротства.

Обратный подход приведет к негативным последствиям в виде отказа контролирующих должника и аффилированных с ним лиц от приобретения прав требования к должнику у независимых кредиторов, лишая последних возможности хотя бы частично удовлетворить свои требования таким путем.

При этом следует учесть, что само по себе нахождение в реестре требований кредиторов аффилированного с должником лица не влечет для независимых кредиторов негативных последствий и не является противозаконным.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20-6599](#)

В рамках дела о банкротстве арбитражный управляющий не имеет самостоятельного интереса в оспаривании требований отдельных кредиторов. Его возражения, исходя из возложенных на управляющего Законом о банкротстве обязанностей, должны быть направлены на защиту прав и охраняемых законом интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника.

В случае, если арбитражный управляющий не привел достаточных свидетельств того, что сделками был нарушен баланс интересов кредиторов должника, требования, вытекающие из таких сделок, подлежат признанию обоснованными и включению в реестр. О ненарушенности прав конкурсных кредиторов спорными сделками может свидетельствовать отсутствие в реестре требований, которые возникли бы ранее спорных сделок; публично раскрытый залог, которым обеспечивались спорные сделки.

АСВ обратилось в суд с заявлением о включении требования банка в реестр требований кредиторов общества "Омега" и о признании этого требования обеспеченным залогом имущества должника.

Судами трех инстанций в удовлетворении требований отказано.

Банк (цедент) и общество «Омега» (цессионарий) 27.02.2015 заключили договор об уступке требований (с дополнительными соглашениями). В соответствии с этим договором банк уступил должнику требования к обществу «Доктор Лизинг» (далее – заемщик) о погашении задолженности по восьми кредитным договорам и трем договорам об открытии кредитной линии, заключенным в период с 11.04.2011 по 17.02.2014, а также передал права залогодержателя по договорам залога, обеспечивающим исполнение заемщиком кредитных обязательств перед банком.

Согласованная в договоре цена уступленных требований равна их номинальной стоимости на момент заключения договора – 161 793 433,95 руб.

В дальнейшем общество «Доктор Лизинг» было реорганизовано в форме присоединения к обществу «Регионресурс».

С целью обеспечения исполнения обязательства цессионария по выплате цены полученных им требований банк (залогодержатель) и общество «Омега» (залогодатель) заключили две обеспечительные сделки – договоры об ипотеке от 27.08.2015 и от 22.12.2016, по которым общество «Омега» передало принадлежащие ему нежилые помещения (девять объектов, расположенных в городе Саратове) в ипотеку банку.

Должник уплатил банку цену договора об уступке требований частично. Долг составил 113 000 000 рублей. Определением от 23.01.2019 возбуждено дело о банкротстве общества «Омега».

В рамках дела о банкротстве арбитражный управляющий не имеет самостоятельного интереса в оспаривании требований отдельных кредиторов. Его возражения, исходя из возложенных на управляющего Законом о банкротстве обязанностей, должны быть направлены на защиту прав и охраняемых законом интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов должника. В рамках настоящего обособленного спора управляющий сослался на наличие у него именно такой цели.

Так, возражая по заявлению банка в лице агентства о включении задолженности в реестр, арбитражный управляющий заявил о ничтожности договоров уступки требований и ипотеки на основании статьи 10, пункта 2 статьи 168 ГК РФ по мотиву совершения договоров с целью причинения вреда лицам, не являющимся сторонами сделок, – кредиторам общества «Омега».

Арбитражный управляющий не привел достаточных свидетельств того, что сделками был нарушен баланс интересов названного сообщества кредиторов общества «Омега» и банка, последний получил то, на что справедливо рассчитывали первые.

В частности, банк обращал внимание на отсутствие в реестре требований кредиторов общества «Омега» требований по обязательствам, возникшим к моменту заключения договоров об уступке требований и об ипотеке (2015 – 2016 годы): банк полагал, что в реестр включены лишь требования по обязательствам, возникшим не ранее декабря 2017 года.

Исходя из принципа свободы договора (статья 421 ГК РФ), в отсутствие каких-либо кредиторов, чьи требования остались непогашенными, банк и общество «Омега» обладали широким усмотрением при выстраивании отношений друг с другом. После же того как информации о залоге в соответствии с требованиями статьи 8.1 ГК РФ была размещена в открытом Едином государственном реестре недвижимости, контрагенты общества «Омега», о необходимости защиты которых заявил управляющий, вступая с должником в договорные отношения, имели возможность узнать об обременении имущества в пользу банка и исходя из этого самостоятельно принять решение о совершении сделки или об отказе от ее заключения. У таких кредиторов в силу статьи 334 ГК РФ не было разумных ожиданий относительно того, что их требования будут погашены за счет заложенного имущества преимущественно перед требованиями банка или наравне с ними. Несмотря на наличие публично раскрытого залога они вступили в договорные отношения, предоставили обществу «Омега» исполнение и впоследствии не могли переложить последствия своих управленческих решений на банк, который не действовал в отношении названных кредиторов противоправно.

В нарушение положений статей 71, 168 и 170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации суды первой и апелляционной инстанций доводы банка не проверили, тогда как они имели существенное значение для правильного разрешения спора.

Более того, суды не учли, что банк, также как и общество «Омега», находится в процедуре конкурсного производства. Вследствие принятого судами решения о лишении договоров уступки требований и ипотеки юридической силы, правовая защищенность добросовестных кредиторов банка стала ниже, чем защищенность неосмотрительных кредиторов общества «Омега», что не согласуется с положениями пунктов 1 и 2 статьи 1 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 31.08.2020 № 309-ЭС20-6158](#)

Установленная достоверность, реальность договорных отношений и наличие задолженности между кредитором и аффилированным с ним должником в случае банкротства последнего не всегда влечёт погашение данного долга наравне с требованиями независимых кредиторов.

Факты оказания кредитором услуг должнику, несмотря на непрекращающееся нарушение со стороны последнего условий об их оплате, а также не взыскание имеющейся задолженности, могут свидетельствовать о предоставлении кредитором аффилированному лицу (должнику) компенсационного финансирования, которое не подлежит противопоставлению требованиям независимых кредиторов и удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

В случае доказанного факта аффилированности должника и кредитора, на последнем лежало бремя доказывания того, что в рассматриваемых отношениях должник и кредитор действовали самостоятельно, независимо друг от друга, в отсутствие соглашения между ними, а их поведение не являлось скоординированным, продиктованным интересами конечных бенефициаров данных организаций. В отсутствие таких доказательств согласованность действий должника и кредитора предполагается – не устранённые кредитором разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов.

Общество обратилось в суд с заявлением о включении задолженности в реестр требований кредиторов должника.

Судами трех инстанций признаны обоснованными и подлежащими включению в состав третьей очереди реестра требования общества в размере 8 481 224,84 руб.

31.03.2014 должник (принципал) и общество (агент) заключили агентский договор, по которому агент обязуется от своего имени по поручению принципала либо от имени принципала и за его счет оказывать услуги, совершать юридические и фактические действия в целях обеспечения поставки энергоресурсов принципалу (теплоэнергия, электроэнергия, водоснабжение), приема и сброса сточных вод, по

осуществлению комплекса работ и услуг, обеспечивающих нормальную эксплуатацию и технически исправное состояние торгово-офисного здания.

Определением от 17.01.2019 в отношении должника возбуждено настоящее дело о несостоятельности (банкротстве), 22.02.2019 введена процедура наблюдения, а 12.08.2019 должник признан банкротом, открыта процедура конкурсного производства.

В связи с неоплатой должником договорной задолженности за содержание общего имущества и агентского вознаграждения общество обратилось в арбитражный суд с настоящим заявлением.

Установив факт аффилированности общества и должника (директором должника и участником с долей 50 % является Белокрылецкая И.И., вторым участником должника с 50 % долей участия являлся Белокрылецкий А.В. – супруг Белокрылецкой И.И., а директором и единственным участником кредитора является её сын – Белокрылецкий И.А.), суды указали, что само по себе подобное обстоятельство не может служить признаком злоупотребления правом, иметь своим последствием отказ во включении требований в реестр или понижения очередности их удовлетворения при недоказанности мнимости сложившихся между сторонами правоотношений.

Вопреки выводам судов, установленная достоверность, реальность договорных отношений и наличие задолженности между обществом и аффилированным с ним должником в случае банкротства последнего не всегда влечёт погашение данного долга наравне с требованиями независимых кредиторов.

Судебная практика исходит из того, что факты оказания обществом услуг должнику, несмотря на непрекращающееся нарушение со стороны последнего условий об их оплате, а также не взыскание имеющейся задолженности, могут свидетельствовать о предоставлении обществом аффилированному лицу (должнику) компенсационного финансирования, которое не подлежит противопоставлению требованиям независимых кредиторов и удовлетворяется в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты (пункты 3.1. - 3.3. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (далее – Обзор), утверждённого Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020).

С учётом того, что должник и общество контролируются семьёй Белокрылецких (мать, отец, сын), в силу статьи 65 АПК РФ на предъявившем требовании обществе лежало бремя доказывания того, что в рассматриваемых отношениях должник и общество действовали самостоятельно, независимо друг от друга, в отсутствие соглашения между ними, а их поведение не являлось скоординированным, продиктованным интересами семьи Белокрылецких.

В отсутствие таких доказательств согласованность действий должника и общества предполагается.

В таком случае, в соответствии с содержащимися в Обзоре разъяснениями для понижения очередности удовлетворения требований общества судам следовало установить наличие у должника в момент предоставления обществом финансирования (заключения агентского договора и в период образования задолженности) признаков имущественного кризиса, а также оценить отказ общества от истребования задолженности как возможный вариант последующего финансирования должника.

Исходя из заложенной в Обзоре презумпции, не устранённые обществом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов (пункт 3.4. Обзора).

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 02.07.2020 307-ЭС19-18598 \(3\)](#)

Наличие решения о признании недействительной одной сделки из цепочки взаимосвязанных сделок не препятствует рассмотрению по существу требования о квалификации всей цепочки как притворной и выявлению действительно совершенной (прикрываемой) сделки.

В рамках дела о банкротстве банка его конкурсный управляющий в лице агентства обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделок, истребовании имущества из чужого незаконного владения, признания права собственности банка на отчужденное имущество.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявленных требований отказано.

Как следует из материалов дела и установлено судами, осенью 2014 года общество «Росинвест» продало Митрушину В.И. бизнес-центр.

Далее Митрушин В.И., являясь акционером банка, заключил с последним договоры дарения имущества в целях увеличения чистых активов, по условиям которых передал банку бизнес-центр безвозмездно.

Вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции названные договоры дарения признаны недействительными. Основанием для признания сделок недействительными послужило отсутствие согласия супруги Митрушина В.И. на дарение бизнес-центра банку.

После возврата имущества Митрушину В.И. оно было внесено в качестве вклада в уставный капитал компании. Банк полагал, что в действительности цепочка заключенных между обществом «Росинвест», Митрушиным В.И. и банком сделок прикрывала прямую продажу бизнес-центра обществом банку.

Из положений пункта 2 статьи 170 ГК РФ следует, что правопорядок признает совершенной лишь прикрываемую сделку – ту сделку, которая действительно имела в виду. Именно она подлежит оценке в соответствии с применимыми к ней правилами (определение ВС РФ от 19.06.2020 № 301-ЭС17-19678).

Как разъяснено в абзаце третьем пункта 86, абзаце первом пункта 87, абзаце первом пункта 88 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», притворная сделка может прикрывать сделку с иным субъектным составом; для прикрытия сделки может быть совершено несколько сделок; само по себе осуществление государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество к промежуточным покупателям не препятствует квалификации данных сделок как ничтожных на основании пункта 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Интерес истца в квалификации внешне совершенных сделок как притворных и в обнаружении действительно заключенной сделки может состоять не только в том, чтобы оспорить прикрываемую сделку, но и в том, чтобы исключить для себя те правовые последствия, которые формально порождают сделки прикрывающие.

Суть правовой позиции, которую занимало агентство при рассмотрении спора, состояла в том, что сделки по отчуждению имущества от общества «Росинвест» в пользу Митрушина В.И. и далее в пользу банка являлись взаимосвязанными, а принадлежность имущества Митрушину В.И. носила транзитный характер.

По мнению конкурсного управляющего, стороны оформили свои отношения подобным образом по следующим причинам. Оказание банку безвозмездной помощи способствовало пополнению величины собственных активов банка в целях улучшения норматива достаточности собственных средств, что, в свою очередь, позволило ему отразить в отчетности перед регулирующим органом улучшение финансового положения, тем самым было продлено функционирование банка.

При этом передача имущества не от общества «Росинвест», а от Митрушина В.И., который являлся акционером, позволяла: - получить налоговую преференцию в виде освобождения от уплаты налога на прибыль; - а также давала возможность при возникновении необходимости пересмотреть свое управленческое решение по внесению имущества в капитал банка посредством предъявления аффилированной с ним супруги иска об отчуждении общего имущества без согласия.

Агентство настаивало на том, что банк получил имущество не безвозмездно, поскольку общество «Росинвест» было освобождено банком от ряда финансовых обязательств. Тем самым конкурсный управляющий полагал, что цепочка спорных сделок прикрывала прямую продажу актива от общества «Росинвест» в пользу банка.

Подобная квалификация отношений позволяет констатировать, что сделки по дарению имущества Митрушиным В.И. банку в действительности никогда не было, что лишает супругу формальной предпосылки для оспаривания этой сделки и позволяет пересмотреть по новым обстоятельствам соответствующий судебный акт суда общей юрисдикции.

Вместе с тем суды сосредоточили свою аргументацию исключительно на существовании решения суда общей юрисдикции, на основании которого сделка была оспорена, а имущество – возвращено супругам. Однако вопреки выводам судов наличие решения о признании одной сделки из цепочки взаимосвязанных сделок недействительной не препятствует рассмотрению по существу требования о квалификации всей цепочки как притворной и выявлению действительно совершенной (прикрываемой) сделки.

[Определение ВС РФ от 30.07.2020 № 305-ЭС20-5547](#)

По смыслу абзаца двенадцатого статьи 2, статей 31 и 189.9 Закона о банкротстве и пункта 1 части 6 статьи 27 АПК РФ санация (меры по предупреждению банкротства) представляет собой одну из предбанкротных процедур, являющихся неотъемлемой частью отношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций, в силу чего судебный контроль за санацией банков как вытекающей из отношений несостоятельности, относится к компетенции арбитражных судов.

Одним из механизмов восстановления платежеспособности банка является возврат его имущества, отчужденного по недействительным сделкам, и освобождение его от обязательств, принятых на себя по таким сделкам. Так, в частности, сделка, совершенная банком или иными лицами за счет банка, может быть признана недействительной в порядке и по основаниям, которые предусмотрены Законом о банкротстве. К оспариванию таких сделок по общему правилу применяются нормы главы III.1 и пункты 1-10 статьи 189.40 Закона о банкротстве. Из буквального содержания пункта 11 статьи 189.40 Закона о банкротстве следует, что по указанным правилам могут оспариваться сделки, совершенные банком или за счет банка, в отношении которого как осуществляются, так и осуществлены меры по предупреждению банкротства с участием Банка России. Подтверждением тому же является указание в данном пункте, что сделка может быть признана недействительной не только по заявлению Банка России, Управляющей компании, выступающей от имени Банка России, государственной корпорации "Агентство по страхованию вкладов", но и по заявлению самого санлируемого банка как освобожденного от всякого внешнего управления.

Во исполнение договора от 06.12.2016 об открытии кредитной линии Уральский банк предоставил обществу "Стратегия" кредит.

18.09.2017 Бинбанк и Уральский банк заключили договор поручительства, согласно которому Бинбанк обязался отвечать перед Уральским банком в солидарном порядке за исполнение обществом "Стратегия" обязательств по возврату кредита.

С 20.09.2017 по распоряжению Банка России управление Бинбанком осуществляла временная администрация, проводившая в Бинбанке меры по его санации и предупреждению банкротства, в том числе предоставление ему средств на поддержание ликвидности и реорганизацию.

20.09.2018 Бинбанк обратился в суд с иском к Уральскому банку о признании недействительным договора поручительства от 18.09.2017, полагая, что поручительство имеет признаки преференциальной сделки и сделки с предпочтением.

Задолженность по кредиту взыскана в пользу Уральского банка с Банка "Открытие" (правопреемник Бинбанка).

Судами трех инстанции в удовлетворении иска о признании договора поручительства недействительным отказано.

По смыслу абзаца двенадцатого статьи 2, статей 31 и 189.9 Закона о банкротстве и пункта 1 части 6 статьи 27 АПК РФ санация (меры по предупреждению банкротства) представляет собой одну из предбанкротных процедур, являющихся неотъемлемой частью отношений, связанных с несостоятельностью кредитных организаций, в силу чего судебный контроль за санацией банков как вытекающей из отношений несостоятельности относится к компетенции арбитражных судов. Аналогичный вывод содержится в определениях ВС РФ от 16.08.2016 № 305-ЭС16-4051, от 27.10.2017 № 305-КГ17-9802.

К мерам по предупреждению банкротства кредитных организаций относятся в том числе финансовое оздоровление кредитной организации (оказание ей финансовой помощи, изменение структуры активов и пассивов кредитной организации, изменение её организационной структуры, приведение в соответствие размера уставного капитала кредитной организации и величины её собственных средств и иные меры, осуществляемые в соответствии с федеральными законами); назначение временной администрации по управлению кредитной организацией; реорганизация кредитной организации.

Одним из механизмов восстановления платежеспособности банка является возврат его имущества, отчужденного по недействительным сделкам, и освобождение его от обязательств, принятых на себя по таким сделкам. Так, в частности, сделка, совершенная банком или иными лицами за счет банка, может быть признана недействительной в порядке и по основаниям, которые предусмотрены Законом о банкротстве. К оспариванию таких сделок по общему правилу применяются нормы главы III.1 и пункты 1-10 статьи 189.40 Закона о банкротстве. Из буквального содержания пункта 11 статьи 189.40 Закона о банкротстве следует, что по указанным правилам могут оспариваться сделки, совершенные банком или за счет банка, в отношении которого как осуществляются, так и осуществлены меры по предупреждению банкротства с участием Банка России. Подтверждением тому же является указание в данном пункте, что сделка может быть признана недействительной не только по заявлению Банка России, Управляющей компании, выступающей от имени Банка России, государственной корпорации "Агентство по страхованию вкладов", но и по заявлению самого санлируемого банка как освобожденного от всякого внешнего управления.

Вопреки выводам судов, сам факт прекращения полномочий временной администрации банка не свидетельствует однозначно о том, что кредитная организация окончательно санирована. Данная правовая позиция изложена Верховным Судом Российской Федерации в определении от 08.02.2018 № 305-ЭС17-15339 со ссылкой на то, что saniруемый банк получает на длительный срок финансовую помощь с обязательством ее вернуть в рассрочку. Как следствие, для восстановления баланса интересов всех участников отношений в банковской сфере и кредиторов saniруемого банка допустима судебная оценка действительности сделок этого банка по банкротным основаниям и после прекращения полномочий временной администрации банка. Банк "Открытие" в судебном заседании ссылался на аналогичные не исполненные собственные обязательства перед Банком России.

[Определение ВС РФ от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155](#)

В случае, если суд установит, что должник аффилирован с лицом – контрагентом по оспариваемой сделке, а также аффилирован с кредиторами, все указанные лица являются группой лиц, то оспариваемая сделка, будучи заключенной в интересах всей группы, не может нарушать права таких конкурсных кредиторов. В отсутствие у должника независимых кредиторов не имеется оснований для лишения юридической силы внутригрупповой сделки, не затрагивающей права третьих лиц.

В рамках дела о банкротстве должника банк в лице АСВ обратился в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника 689 762 661,6 руб. как обеспеченных залогом.

В свою очередь, конкурсный управляющий должника Белов И.В. обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров залога, заключенных должником и банком.

Судами трех инстанций сделки признаны недействительными, в удовлетворении заявления банка о включении задолженности в реестр отказано.

В период с 2006 по 2013 годы банком и рядом обществ заключено 82 кредитных договора. Надлежащее исполнение заемщиками обязательств по кредитным договорам обеспечивалось заключенными банком и должником договорами об ипотеке земельных участков.

В рассматриваемом случае в реестр включено требование только одного кредитора (общества «К-Восток»). Иные конкурсные кредиторы у должника отсутствуют.

Разрешая вопрос об обоснованности заявления о признании договоров об ипотеке недействительными, судам, в первую очередь, необходимо было выяснить, нарушены ли залоговыми сделками права и законные интересы общества «К-Восток».

Названное общество является заявителем по настоящему делу о банкротстве. Его требования к должнику основаны вступившем в силу решении суда о взыскании с должника 66 746 136,14 руб.

Иск общества «К-Восток» мотивирован тем, что должник в 2011 году приобрел по девяти договорам купли-продажи земельные участки у обществ «АвтоСтат» и «Русское поле», но не оплатил их. Требования о выплате цены договоров купли-продажи уступлены продавцами обществу «К-Восток». Из материалов электронного дела № А55-15176/2016 видно, что в договорах и (или) передаточных актах, приложенных к иску общества «К-Восток» и представленных в регистрирующий орган для государственной регистрации перехода права собственности к должнику, содержится указание на то, что оплата за участки произведена. Однако 10.09.2013 правопреемником продавцов (обществом «К-Восток») и должником (покупателем) подписано соглашение о признании долга, в котором они указали обратное – покупателем не исполнено обязательство по оплате земельных участков. Именно по этому соглашению с должника в пользу общества «К-Восток» и были взысканы денежные средства в рамках дела № А55-15176/2016. Данное решение сначала послужило основанием для возбуждения дела о банкротстве должника, а затем позволило конкурсному управляющему обратиться с заявлением по настоящему обособленному спору о недействительности договоров об ипотеке.

Решение по делу № А55-15176/2016 не обжаловалось и вступило в законную силу. При наличии неотмененных решения по иску общества «К-Восток» и судебного акта по делу о банкротстве о включении задолженности перед этим обществом в реестр в силу их общеобязательности вопрос о наличии задолженности по договорам купли-продажи земельных участков не подлежит повторному рассмотрению. Однако это не освобождает суд от необходимости оценки действий правопреемников общества «К-Восток» (продавцов) и должника (покупателя).

Поведение сторон договоров купли-продажи, которые изначально (в 2011 году) указали в документах, поданных в регистрирующий орган, сведения об исполнении обязательств по оплате, а затем (в 2013 году) заключили соглашение, в котором констатировали неисполнение тех же самых обязательств, является противоречивым. Ни один независимый от покупателя разумный продавец не указал бы в договоре купли-продажи недвижимого имущества, что оплата произведена, в отсутствие таковой; равным образом, ни один независимый от продавца покупатель не согласился бы принять на себя вновь обязательство по оплате, если бы ранее он его исполнил. Кроме того, отсутствие оплаты по общему правилу влечет за собой регистрацию залога в силу закона на проданное имущество до момента исполнения соответствующего обязательства (пункт 5 статьи 488 ГК РФ). Отказ правопреемников общества «К-Восток» от права залога свидетельствует о том, что у них имелись иные (неформальные) гарантии оплаты либо оплата их не интересовала в принципе.

Такое поведение сторон можно объяснить исключительно наличием между ними доверительных отношений, позволяющих совершать сделки, опираясь лишь на устные договоренности, искажая в документах как сами эти договоренности, так и истинные мотивы своего поведения. Так могут действовать только аффилированные лица. Бремя опровержения аффилированности правопреемников общества «К-Восток» и должника лежит на этом обществе.

Из неопровергнутой аффилированности должника с правопреемниками его единственного кредитора и установленной судами аффилированности должника с банком следует, что все они входили в одну группу, контролируемую предыдущим руководством банка, и были аффилированы между собой (статья 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и часть 1 статьи 9 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Таким образом, отношения по кредитным и ипотечным обязательствам были построены по следующей модели: банк выдавал кредит связанному с ним лицу, надлежащее исполнение обязательств которым впоследствии обеспечивалось залогом имуществом иного связанного лица (залогодателя - должника по настоящему делу о банкротстве). При этом аффилированность участников спорных правоотношений позволяла сохранять внутри группы как предоставленное финансирование, так и заложенное имущество, из чего следует, что сделки для их бенефициаров фактически являлись безрисковыми.

Однако приказами Банка России от 08.04.2016 у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией. Решением от 06.07.2016 банк признан несостоятельным.

В апреле 2016 года возник риск утраты группой заложенного имущества. После этого общество «К-Восток» инициировано взыскание долга по договорам купли-продажи с должника (исковое заявление по делу № А55-15176/2016 поступило в суд 22.06.2016), что позволило возбудить дело о несостоятельности залогодателя по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника и в конкурсном производстве заявить требование о признании соглашений об ипотеке недействительными.

Иск о признании подозрительной сделки недействительной направлен на защиту прав кредиторов, понесших от данной сделки имущественные потери, независимо от того, кем этот иск подан – арбитражным управляющим или одним из кредиторов. В ситуации, когда должник заключает договор в интересах связанной с ним группы лиц, права членов этой группы не подлежат защите с использованием механизма, установленного статьей 61.2 Закона о банкротстве. Тем более не имеется оснований для лишения юридической силы внутригрупповой сделки, не затрагивающей права третьих лиц, на основании статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В данном случае в отсутствие у залогодателя независимых кредиторов судам следовало установить действительную цель подачи конкурсным управляющим заявления об оспаривании сделок, выяснить было ли это заявление направлено на пересмотр внутригрупповых управленческих решений, в том числе о предоставлении земельных участков в ипотеку, во вред независимым кредиторам банка, находящегося в процедуре конкурсного производства, чьи денежные средства и были выданы заемщикам, имея ввиду, что конкурсное оспаривание не предполагает его использование в таких целях.

[Определение ВС РФ от 10.08.2020 № 307-ЭС20-1992](#)

При рассмотрении заявлений об оспаривании сделок судам необходимо устанавливать действительную цель подачи заявления и выяснять, не было ли это заявление направлено исключительно во вред независимым кредиторам должника. Оспаривание сделки в отсутствие

нарушенного сделкой интереса и прав конкурсных кредиторов противоречит как положениям статьи 166 ГК РФ, так и статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Конкурсный управляющий и конкурсный кредитор Гейдебреخت В.О. обратились в суд с заявлениями о признании недействительным соглашения о кредитовании счета (овердрафте) от 08.04.2016 № 16-020, заключенного банком и обществом (должником).

Судами трех инстанций спорный договор признан недействительным.

Банк и общество (заемщик) заключили договор об открытии невозобновляемой кредитной линии от 30.03.2015, а также два кредитных договора – от 23.04.2015 № 15-031 и от 30.03.2016 № 16-019. Во исполнение условий этих сделок банк предоставил обществу заемные средства. В обеспечение исполнения принятых обязательств заемщик передал банку в залог семнадцать квартир, нежилое помещение, земельный участок и расположенный на нем дом. Ипотека зарегистрирована в государственном реестре.

Впоследствии банк и общество подписали соглашение о кредитовании счета (об овердрафте) от 08.04.2016. В тот же день за счет овердрафта общество погасило задолженность по договорам № 15-016, № 15-031 и № 16-019 в сумме 274 451 100,79 руб., что послужило основанием для внесения в государственный реестр записей о прекращении ипотеки в пользу банка.

При этом в соответствии с соглашением об овердрафте общество (заемщик) с целью обеспечения возврата кредита, полученного на условиях овердрафта, обязалось заключить с банком договоры залога недвижимого имущества и вновь зарегистрировать в государственном реестре ипотеку в отношении квартир, земельного участка и расположенного на нем дома, в том числе ранее находившихся в залоге у банка в обеспечение исполнения обязательств по договорам № 15-016, № 15-031 и № 16-019.

Вступившим в законную силу решением районного суда от 16.11.2017 установлено, что во исполнение соглашения об овердрафте банк и общество 08.04.2016 и 18.04.2016 подписали четыре договора о залоге недвижимости. Однако обременение в отношении большинства объектов не было зарегистрировано в государственном реестре, поскольку первоначально направленные в регистрирующий орган документы были отозваны по указанию председателя правления банка Егорова В.Н., а на момент повторного обращения в регистрирующий орган в отношении этих объектов уже были внесены записи об ипотеке в пользу Гейдебрехта В.О.

Ипотека в пользу Гейдебрехта В.О. зарегистрирована 29.04.2016 и 05.05.2016. Она возникла вследствие заключения им и обществом двух договоров залога от 27.04.2016. Эти договоры подписаны на следующий день после того, как Банк России усилил в отношении банка меры контроля – обязал его ежедневно представлять отчетность о наличии неисполненных требований клиентов по денежным обязательствам и по уплате обязательных платежей.

Приказами Банка России от 18.08.2016 у банка с 18.08.2016 отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению кредитной организацией. Решением от 31.10.2016 банк признан банкротом.

АСВ обратилось в суд общей юрисдикции с иском о признании недействительными договоров об ипотеке, заключенных Гейдебрехтом В.О. и обществом. Решением районного суда от 16.11.2017 данные сделки признаны недействительным, за банком признано право залога на 15 квартир, которые подлежали передаче в ипотеку на основании соглашения об овердрафте и договора об ипотеке, заключенного 08.04.2016 банком и обществом.

После того как состоялось решение суда общей юрисдикции, в ЕГРЮЛ была внесена запись о начале процедуры ликвидации общества. Определением от 04.12.2017 возбуждено дело о его банкротстве. Решением от 21.03.2018 общество признано банкротом.

Обстоятельства спора были одинаково установлены как судами первой и апелляционной инстанции по настоящему делу, так и судами общей юрисдикции по ранее рассмотренному делу. Так, суды установили, что Гейдебреخت В.О. разместил в банке свои денежные средства в сумме 173 853 000 руб. Банк, должник и организация входили в одну группу лиц, контролируемую бывшим председателем правления банка Егоровым В.Н. В свою очередь, Егоров В.Н. и Гейдебреخت В.О. были знакомы по совместной работе в законодательном органе Республики Бурятия. Впоследствии в связи с неудовлетворительным финансовым состоянием банка и необходимостью предоставления Гейдебрехту В.О. больших гарантий возврата вложенного было принято решение о совершении ряда взаимосвязанных сделок, в результате которых у этого кредитора помимо банка возник второй солидарный должник – общество (договоры займа и новации от 26.06.2015 между Гейдебрехтом В.О. и организацией, соглашение о кредитовании счета общества от 08.04.2016, на основании

которого были погашены долги общества перед банком по ранее заключенным кредитным договорам и снято существующее залоговое обременение в пользу банка, договоры от 01.12.2015 и 27.04.2016, по которым общество предоставило обеспечение уже в пользу Гейдебрехта В.О. в виде поручительства и залога в обеспечение надлежащего исполнения организацией обязательств по соглашению о новации (далее – взаимосвязанные договоры)).

Из установленных судами обстоятельств спора следует, что действительная воля всех упомянутых лиц, вовлеченных в рассматриваемые отношения, была направлена на создание именно тех правовых последствий, которые прямо вытекали из содержания подписанных ими взаимосвязанных договоров, а значит, указанные договоры не могли быть квалифицированы судами как мнимые или притворные на основании статьи 170 ГК РФ. Банк, Гейдебрехт В.О., Егоров В.Н., общество и организация стремились к реструктуризации долга общества для снятия существующего залогового обременения в пользу банка и передачи высвобожденного имущества в залог другому лицу. Данные сделки были использованы для достижения фактического результата, одной общей (генеральной) экономической цели, запрещенных законом – для снижения ликвидности требования банка к обществу, переставшего обеспечиваться ипотекой (по сути, для уменьшения конкурсной массы банка, находившегося в ситуации объективного банкротства), и для наиболее полного удовлетворения за счет этого требования одного кредитора банка – Гейдебрехта В.О. – в ущерб интересам других его кредиторов, что противоречит императивным положениям статей 131, 189.92 Закона о банкротстве, устанавливающим специальные правила формирования конкурсной массы и погашения требований кредиторов несостоятельной кредитной организации на основе принципов очередности и пропорциональности.

Следовательно, договоры займа и новации от 26.06.2015, заключенные Гейдебрехтом В.О. и организацией, соглашение о кредитовании счета общества от 08.04.2016, заключенное банком и обществом, договоры от 01.12.2015 и 27.04.2016 о выдаче обществом обеспечения за организацию, являются совершенными с противоправной целью сделками, нарушающими положения статей 131, 189.92 Закона о банкротстве, направленных на защиту конкретного субъекта – пострадавшего от этих сделок гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов банка. Поэтому именно это сообщество (в лице агентства как конкурсного управляющего банком или иного уполномоченного законом лица) имеет в материальном смысле право на иск об оспаривании взаимосвязанных договоров по данному основанию в рамках дела о банкротстве банка (статья 61.2 Закона о банкротстве, пункт 3 статьи 166 ГК РФ). Однако нарушенные права кредиторов банка уже были восстановлены судом общей юрисдикции, который признал за банком право залога на квартиры, лишив этого права Гейдебрехта В.О.

Констатировав недействительность соглашения о кредитовании счета, арбитражные суды фактически дезавуировали решение суда общей юрисдикции и не указали законный интерес кредиторов общества, защита которого будет обеспечена в результате признания соглашения об овердрафте недействительным.

Суды не учли, что Гейдебрехт В.О., будучи непосредственным участником действий, совершенных к его выгоде и в нарушение закона, не может их оспаривать (пункт 5 статьи 166 ГК РФ). Требование же конкурсного управляющего обществом о признании в рамках дела о банкротстве последней сделки недействительной должно быть направлено на защиту интересов гражданско-правового сообщества кредиторов общества. При разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного общества противопоставляются интересам контрагента по сделке – банка. Соответственно, право на оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов общества и банка, последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые.

Суды не установили, каким образом соглашение о кредитовании счета нарушает права и законные интересы кредиторов общества. Условия этого соглашения подлежали истолкованию в их системной связи и с учетом того, что они являются согласованными частями ряда взаимосвязанных сделок.

Арбитражные суды не привели мотивы, по которым они не согласились с судом общей юрисдикции. Арбитражным судам следовало установить действительную цель подачи конкурсным управляющим и Гейдебрехтом В.О. заявлений об оспаривании сделки, выяснить были ли эти заявления направлены исключительно на пересмотр итогов судебного разбирательства в суде общей юрисдикции во вред независимым кредиторам банка, находящегося в процедуре конкурсного производства, чьи денежные средства и были выданы обществу по кредитам (договорам № 15-016, № 15-031 и № 16-019), имея в виду, что такое оспаривание противоречит как положениям статьи 166 ГК РФ, так и статьи 61.2 Закона о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 20.08.2020 № 306-ЭС19-2986 \(5\)](#)

Само по себе заключение кредитором и должником соглашения о прощении долга не свидетельствует о совершении ими безвозмездной сделки. В основе возмездности соответствующего соглашения может лежать взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству, достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга.

Прощение конечным бенефициаром банка долга этого банка перед таким лицом в рамках доформирования резервов по договорам субординированного депозита может преследовать разумный экономический интерес, направленный на получение имущественной выгоды от сохранения на финансовом рынке находящегося под его частичным контролем банка в качестве действующего участника. Этот экономический интерес необходимо считать не направленным на уменьшение активов общества, а наоборот, попыткой повысить ликвидность акций банка, от которой зависела ликвидность принадлежащего контролирующему лицу пакета акций банка.

Исходя из особенностей правового регулирования отношений по субординированным депозитам контролирующее банк лицо, в отличие от обычных вкладчиков, еще в момент размещения денежных средств приняло на себя риск поражения в правах кредитора на случай экономического кризиса в банке, его банкротства, что и стало причиной невозможности пополнения конкурсной массы общества, а не соглашение о прощении долга.

Конкурсный управляющий общества обратился в суд с заявлением о признании недействительными двух соглашений о прощении долга от 17.01.2017, в соответствии с которыми общество отказалось от требований к Радиотехбанку по договорам субординированного депозита в общей сумме 350 млн. руб.

Судами трех инстанций заявление удовлетворено.

Радиотехбанк и общество заключили два договора субординированного депозита: от 27.11.2015, в соответствии с которым Радиотехбанк принял от общества 250 000 000 руб. на срок до 27.11.2025, обязавшись возвратить сумму субординированного депозита и начисленные на нее проценты; от 08.02.2016, согласно которому Радиотехбанк принял от общества 100 000 000 руб. на срок до 08.02.2026, обязавшись возвратить сумму субординированного депозита и начисленные на нее проценты.

Впоследствии (17.01.2017) Радиотехбанк и общество заключили соглашения о прощении долга, по которым должник освободил Радиотехбанк от исполнения обязательств по названным договорам субординированного депозита.

Согласно пункту 1 статьи 415 ГК РФ обязательство прекращается прощением долга – освобождением кредитором должника от лежащих на нем имущественных обязанностей, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора.

При этом само по себе заключение кредитором и должником соглашения о прощении долга не свидетельствует о совершении ими безвозмездной сделки. В основе возмездности соответствующего соглашения может лежать взаимосвязь между прощением долга и получением кредитором имущественной выгоды по какому-либо обязательству, достижение кредитором иного экономического интереса, прямо не связанного с прощением долга, и т.п. (пункт 31 постановления Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»).

В рассматриваемом случае, как установили суды, общество являлось крупнейшим акционером Татфондбанка, которое, в свою очередь, владело 29,85 процента акций Радиотехбанка.

Банк России по результатам проверки, проведенной в отношении Радиотехбанка, 16.01.2017 вынес предписание о необходимости доформирования резервов. В связи с этим общество, являющееся одним из конечных бенефициаров банка, приняло решение об оказании кредитной организации финансовой помощи в виде прощения долга по двум договорам субординированного депозита и 17.01.2017 заключило соглашения о прощении долга. Действия по прощению долга отнесены законом к числу мер по финансовому оздоровлению кредитной организации (статьи 189.14 и 189.15 Закона о банкротстве). О принятом решении Радиотехбанк 18.01.2017 проинформировал Банк России, направив отчет об исполнении предписания.

Следовательно, прощая долг по договорам субординированного депозита, общество преследовало разумный экономический интерес, направленный на получение имущественной выгоды от сохранения на финансовом рынке находящегося под его частичным контролем Радиотехбанка в качестве действующего

участника. Этот экономический интерес, вопреки выводам судов, не был направлен на уменьшение активов общества, наоборот, оно пыталось повысить ликвидность акций Радиотехбанка, от которой зависела ликвидность принадлежащего обществу пакета акций Татфондбанка, имевшего в то время неотозванную лицензию. Действия общества не противоречили интересам его кредиторов.

Ко времени возбуждения в отношении Радиотехбанка дела о банкротстве и при отсутствии соглашений о прощении долга по договорам субординированного депозита общество уже не могло вернуть вложенные денежные средства, так как и по условиям сделок, и в силу правил статьи 25.1 Закона о банках ввиду снижения норматива достаточности собственных средств (капитала) Радиотехбанка ниже порогового значения, определенного Банком России, несостоятельности названного банка автоматически прекратились бы его денежные обязательства по возврату сумм субординированных депозитов, выплате финансовых санкций за неисполнение обязательств по субординированным депозитам, процентов по депозитам.

Удовлетворяя заявление управляющего, суды не учли, что, исходя из особенностей правового регулирования отношений по субординированным депозитам общество, в отличие от обычных вкладчиков, еще в момент размещения денежных средств приняло на себя риск поражения в правах кредитора на случай экономического кризиса в Радиотехбанке, его банкротства. Именно это и стало причиной невозможности пополнения конкурсной массы общества, а не соглашения о прощении долга.

[Определение ВС РФ от 21.08.2020 № 305-ЭС18-22224 \(100\)](#)

Сделки банка и его клиента по перечислению последнему денежных средства, а также выдача клиенту наличных могут быть признаны недействительными, если клиент (кредитор) банка получил удовлетворение своего требования в ситуации, когда любой иной независимый по отношению к банку клиент, находящийся в схожих обстоятельствах, такого удовлетворения не получил бы. Такое возможно, например, когда клиент, находясь в доверительных отношениях с менеджментом банка, ранее других кредиторов получает информацию о неблагоприятном финансовом положении кредитной организации и в связи с этим предпринимает действия по выводу содержащихся на счетах остатков денежных средств; либо если клиент получил исполнение своего требования в обход иных кредиторов банка, предъявивших свои требования ранее этого клиента. Бремя доказывания данных обстоятельств лежит на лице, оспаривающем такую сделку.

Если клиенту удастся подтвердить, что его отношения с банком не являлись необычными, что он получил удовлетворение своего требования так же, как и любой иной кредитор, который бы находился на его месте, – сделки с таким клиентом не могут быть признаны недействительными. О добросовестности клиента могут свидетельствовать: подтверждение цели, для которой снимались средства, совпадение размера снятых наличных с тем, что клиент намеревался погасить данной суммой и т.д.

Конкурсный управляющий банка обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделок по снятию 29.06.2017 Нестеренко А.Н. наличных денежных средств в размере 2 000 000 руб., 15 076,42 долларов США и применении последствий их недействительности.

Судами апелляционной инстанции и округа при новом рассмотрении заявление удовлетворено.

Приказами Банка России от 20.07.2017 у ПАО «Межтопэнергобанк» отозвана лицензия на осуществление банковских операций, назначена временная администрация по управлению банком.

Перед этим 29.06.2017 Нестеренко А.Н. осуществил операции по снятию со своих счетов, открытых в банке, денежных средств в размере 2 000 000 руб. и 15 076,42 долларов США.

По смыслу статей 61.3 и 189.40 Закона о банкротстве оспаривание совершенных в пределах месяца до назначения временной администрации сделок по мотиву предпочтения допускается в случаях, когда соответствующие сделки выходили за рамки обычной хозяйственной деятельности кредитной организации.

Применительно к сделкам по перечислению денежных средств, а также выдаче наличных это означает следующее: признание их недействительными возможно, если клиент (кредитор) банка получил удовлетворение своего требования в ситуации, когда любой иной независимый по отношению к банку клиент, находящийся в схожих обстоятельствах, такого удовлетворения не получил бы. Такое возможно, например, когда клиент, находясь в доверительных отношениях с менеджментом банка, ранее других кредиторов получает информацию о неблагоприятном финансовом положении кредитной организации и в связи с этим предпринимает действия по выводу содержащихся на счетах остатков денежных средств; либо если клиент

получил исполнение своего требования в обход иных кредиторов банка, предъявивших свои требования ранее этого клиента, и проч.

Перечисленные в пункте 5 статьи 189.40 Закона о банкротстве презумпции направлены на упрощение доказывания особых отношений между банком и клиентом, позволяющих нарушать принцип равенства кредиторов банка. Именно данные обстоятельства должен доказать конкурсный управляющий, оспаривая сделки с клиентами кредитной организации, совершенные в преддверии назначения временной администрации. И напротив, если клиенту удастся подтвердить, что его отношения с банком не являлись необычными, что он получил удовлетворение своего требования так же, как и любой иной кредитор, который бы находился на его месте, – сделки с таким клиентом не могут быть признаны недействительными.

В настоящем споре, как указано выше, суд первой инстанции установил, что снятие денежных средств Нестеренко А.Н. было обусловлено необходимостью осуществить оплату по договору участия в долевом строительстве, заключенному с обществом «Строй-Плюс» 04.05.2017. Кроме того, суд отметил, что действия по снятию денежных средств со своего счета в банке являлись для ответчика обычными, так как он регулярно совершал похожие операции, в том числе на значительные суммы. Таким образом, судом была установлена целесообразность совершения спорных операций.

Приходя к обратному выводу, что спорные операции совершены при отсутствии разумных экономических причин и являются нехарактерными для ответчика (так как ранее подобные операции на аналогичные суммы им не проводились), суд апелляционной инстанции фактически проигнорировал те обстоятельства, которые были установлены судом первой инстанции, в нарушение пункта 13 части 2 статьи 271 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации не приведя мотивы, по которым он не согласился с выводами суда первой инстанции. Суд округа названные нарушения не устранил.

Более того, в дополнение к обоснованию наличия разумных экономических причин совершения сделок ответчик обращал внимание, что договор долевого участия в строительстве был зарегистрирован 20.06.2017; согласно условиям договора, оплата должна быть произведена до 29.06.2017 (день снятия денег со счета), при этом со счета была снята именно необходимая для оплаты за квартиру сумма, а не все денежные средства. Однако эти обстоятельства также не были учтены судами апелляционной инстанции и округа.

Кроме того, делая вывод о совершении сделок при наличии сформированной картотеки неисполненных платежных документов, данные суды в нарушение пункта 12 части 2 статьи 271 и пункта 12 части 2 статьи 289 АПК РФ не опровергли возражения ответчика о том, что конкурсный управляющий ссылался на картотеку исходя из данных головного офиса банка, в то время как сделки совершались через Сибирский филиал, имеющий отдельный корреспондентский счет, на котором конец расчетного дня 29.06.2017 имелся значительный остаток денежных средств.

Таким образом, исходя из установленных судом первой инстанции обстоятельств и приведенных Нестеренко А.Н. доводов (которые не были опровергнуты судами апелляционной инстанции и округа) отсутствовали какие-либо основания усомниться в обычном и рядовом характере оспариваемых сделок. Конкурсный управляющий не подтвердил, что между банком и клиентом имелись какие-либо особые отношения и такие сделки не были ли бы совершены с любым иным кредитором банка, поэтому оснований для признания сделок недействительными, а Нестеренко А.Н. – недобросовестным кредитором не имеется.

[Определение ВС РФ от 26.08.2020 № 305-ЭС20-5613](#)

Для квалификации платежа как совершенного с предпочтением перед иными кредиторами суду необходимо установить, оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника.

Оспаривание преференциальных сделок является разновидностью косвенного иска, предъявляемого в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов несостоятельного должника. При разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке. Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые. При этом оспариваемому платежу не могут противопоставляться требования во много тысяч раз меньшие ввиду их несоизмеримости с оспариваемым.

В ситуации, когда кредитор предоставляет должнику денежные средства на погашение долга перед иным (первоначальным) кредитором, осознавая, что заменяет этого первоначального кредитора в отношениях с должником, – требование такого нового кредитора (при отсутствии иных кредиторов) не может быть противопоставлено первоначальному при установлении признака предпочтительности в рамках спора о признании недействительной платежной операции по погашению долга перед первоначальным кредитором.

Конкурсный управляющий обратился с заявлением о признании недействительными двух платежей на сумму 3 165 160 920,85 руб., произведенных должником 30.11.2017 в пользу банка по договору об уступке прав (требований).

Судом первой инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

31.08.2015 между должником (цессионарием) и банком (цедентом) заключен договор об уступке прав (требований), в соответствии с которым банк уступил должнику право требования к обществу «Регент НМ» по нескольким кредитным договорам на общую сумму 37 120 185,74 евро по цене номинала.

По условиям соглашения право требования переходит к цессионарию в момент его подписания, при этом предоставляется отсрочка по оплате до 30.11.2015. Кроме того, должник уплачивает банку проценты, начисляемые на неоплаченную стоимость уступленных прав требований в размере 3,5 процентов годовых.

30.11.2017 на расчетный счет должника от компании Делвенисто Инвестментс Лтд. поступили заемные средства в размере 3 917 200 000 руб.

В этот же день двумя платежами на сумму 2 607 765 433,32 руб. (погашение основного долга) и 557 395 487,53 руб. (погашение процентов) часть из названных средств перечислена банку в счет оплаты по договору уступки.

Оспаривание платежей, совершенных должником в пределах шести месяцев до возбуждения дела о банкротстве, осуществляется по правилам абзаца пятого пункта 1 и пункта 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве.

По смыслу названной нормы для квалификации платежа на предмет действительности суду необходимо установить два ключевых обстоятельства: оказано ли предпочтение лицу, получившему исполнение, то есть нарушены ли при удовлетворении его требования принципы пропорциональности и очередности по сравнению с иными кредиторами должника; должно ли названное лицо было знать о неплатежеспособности (недостаточности имущества должника) в указанный момент, то есть, знало ли оно о нарушении по отношению к нему названных принципов.

При отсутствии одного из названных обстоятельств иски не подлежат удовлетворению.

Разрешая первый вопрос, необходимо принимать во внимание, что оспаривание преференциальных сделок является разновидностью косвенного иска, предъявляемого в интересах гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов несостоятельного должника. При разрешении такого требования имущественные интересы сообщества кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам контрагента (выгодоприобретателя) по сделке.

Соответственно, право на конкурсное оспаривание в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов названного сообщества кредиторов и контрагента (выгодоприобретателя), последний получает то, на что справедливо рассчитывали первые (определение ВС РФ от 03.08.2020 № 306-ЭС20-2155). Соответственно, отвечая на вопрос о наличии предпочтения, необходимо выявить круг кредиторов, чьи права нарушены оспариваемой сделкой, то есть круг лиц, чьи интересы и требования можно противопоставить погашенному требованию контрагента по сделке.

В данном случае суды установили, что на момент исполнения обязательства перед банком общество «Солхом» имело задолженность перед тремя кредиторами: ИФНС России № 22 в сумме около 43 тыс. руб.; ООО «МагистральТрубоПром» в сумме 3 337 000 000 руб.; Делвенисто Инвестментс Лтд. в сумме 3 917 200 000 руб.

Относительно долга перед обществом «МагистральТрубоПром» необходимо отметить, что впоследствии, как установили суды, он был погашен, в настоящее время соответствующее требование не включено в реестр. В связи с этим долг перед этим кредитором непротивопоставим банку при рассмотрении настоящего обособленного спора.

Равным образом необходимо констатировать, что размер задолженности перед уполномоченным органом (около 43 тыс. руб.) не позволяет противопоставить соответствующее требование сделке на сумму более 3 млрд. руб. в виду их несоизмеримости (применительно к пункту 29.4 постановления Пленума ВАС РФ

от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Таким образом, спорные сделки подлежали проверке на предмет предпочтительности только по отношению к требованию Делвенисто Инвестментс Лтд. (чей правопреемник Фиделио Энтерпрайзис Лимитед включен в реестр определением от 09.11.2018 по настоящему делу).

Разрешая вопрос о допустимости противопоставления банку требования Делвенисто Инвестментс Лтд., необходимо обратить внимание, что долг перед этой фирмой возник из договора займа, при этом размер займа (3 917 200 000 руб.) соответствовал размеру задолженности общества «Солхом» по договорам цессии, заключенным с банком (помимо обязательств, погашенных совершением оспариваемых сделок, между банком и должником имелись иные отношения по уступке), что не отрицал представитель конкурсного управляющего в судебном заседании.

Таким образом, в условиях, когда сторонами заемных отношений не раскрыты иные мотивы совершения сделки, следует предположить, что Делвенисто Инвестментс Лтд. предоставил заем в целях реструктуризации долговой нагрузки общества «Солхом», осознавая, что денежные средства будут направлены на погашение задолженности перед банком по договорам уступки, то есть фактически займодавец выразил согласие на то, чтоб занять место банка как кредитора должника. Более того, как следует из договора займа, копия которого размещена на официальном сайте арбитражных судов в материалах электронного дела, в качестве обеспечения по займу Делвенисто Инвестментс Лтд. принял права требования к обществу «Регент НМ», которые приобретены должником у банка по договорам уступки, из чего также следует, что займодавец был осведомлен о взаимоотношениях банка с обществом «Солхом».

В подобной ситуации, когда кредитор предоставляет должнику денежные средства на погашение долга перед иным (первоначальным) кредитором, осознавая, что заменяет этого первоначального кредитора в отношениях с должником, – требование такого нового кредитора (при отсутствии иных кредиторов) не может быть противопоставлено первоначальному при установлении признака предпочтительности в рамках спора о признании недействительной платежной операции по погашению долга перед первоначальным кредитором.

Поскольку банку не было оказано предпочтение при удовлетворении его требования, отсутствовали основания для установления второго признака (осведомленность контрагента о неплатежеспособности должника), необходимого для признания сделки недействительной по правилам пунктов 1 и 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве. Таким образом, суды первой инстанции и округа пришли к правильным выводам об отказе в удовлетворении заявленных требований.

[Определение ВС РФ от 27.08.2020 № 306-ЭС17-11031 \(6\)](#)

При совершении сделки должника возможна ситуация, при которой первый приобретатель, формально выражая волю на получение права собственности на имущество должника путём подписания договора об отчуждении, не намеревается породить отраженные в этом договоре правовые последствия. Например, личность первого, а зачастую, и последующих приобретателей может использоваться в качестве инструмента для вывода активов (сокрытия принадлежащего должнику имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов), создания лишь видимости широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзии последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка – сделка по передаче права собственности на имущество от должника к бенефициару указанной сделки по выводу активов: лицу, числящемуся конечным приобретателем, либо вообще не названному в формально составленных договорах. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем этого бенефициара, он принимает решения относительно данного имущества.

Таким образом, цепочкой последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна единственная сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара. Такая прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве.

При этом вопрос применения последствий недействительности сделок (взыскание стоимости имущества с первого, иных приобретателей или истребование имущества у конечного приобретателя) не может быть разрешен верно без исследования обстоятельств, способных подтвердить или опровергнуть сомнения о том, являлся ли последний договор купли-продажи

наряду с первыми единой цепочкой сделок, прикрывающих прямой переход от должника через номинальных приобретателей непосредственно конечному покупателю.

Конкурсный управляющий должника, Каримов Г.Х. и общество «Земтранс» обратились в суд с заявлениями о признании договора купли-продажи от 05.10.2015, заключенного между должником и обществом «ВСУ», договора купли-продажи от 01.03.2016, заключенного между обществом «ВСУ» и обществом «PCY», по продаже имущества должника.

При новом рассмотрении конкурсный управляющий уточнил заявление, просил признать недействительным и договор купли-продажи тепловых сетей от 26.10.2016, заключенный между обществом «PCY» и Файзиевым Р.М.

Судами прекращено производство в отношении Файзиева Р.М., с общества "PCY" в пользу должника взыскана рыночная стоимость имущества.

05.10.2015 должник и ранее учреждённое им общество «ВСУ» заключили договор купли – продажи тепловых сетей, определив стоимость предмета сделки в размере 575 000 руб., оформив оплату договора соглашением о зачёте от 30.10.2015.

Определением от 10.12.2015 в отношении должника была введена процедура наблюдения.

Общество «ВСУ» реализовало тепловые сети обществу «PCY» по договору купли-продажи от 01.03.2016 за 600 000 руб.

После признания 26.04.2016 должника банкротом и открытия в отношении него конкурсного производства, общество «PCY» передало названный актив своему учредителю и одновременно заместителю генерального директора должника Файзиеву Р.М., заключив с ним договор купли-продажи от 26.10.2016, определив стоимость тепловых сетей в размере 600 000 руб.

03.11.2016 Файзиев Р.М. стал собственником тепловых сетей, о чём в ЕГРН внесена соответствующая запись.

Полагая, что все три договора купли – продажи являются недействительными сделками, конкурсный управляющий и кредиторы должника обратились в суд настоящими требованиями.

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности на данное имущество от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок следует различать две ситуации.

В первом случае, когда волеизъявление первого приобретателя отчужденного должником имущества соответствует его воле: этот приобретатель вступил в реальные договорные отношения с должником и действительно желал создать правовые последствия в виде перехода к нему права собственности. В таком случае при отчуждении им спорного имущества на основании последующих (второй, третьей, четвертой и т.д.) сделок права должника (его кредиторов) подлежат защите путем предъявления заявления об оспаривании первой сделки по правилам статьи 61.8 Закона о банкротстве к первому приобретателю и виндикационного иска по правилам статей 301 и 302 Гражданского кодекса к последнему приобретателю, а не с использованием правового механизма, установленного статьёй 167 Гражданского кодекса (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2003 N 6-П). Вопрос о подсудности виндикационного иска в этом случае подлежит разрешению с учётом разъяснений, данных в пункте 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» - требование о виндикации при подсудности виндикационного иска тому же суду, который рассматривает дело о банкротстве, может быть разрешено в деле о банкротстве, в иных случаях – вне рамок дела о банкротстве с соблюдением общих правил о подсудности.

Однако возможна обратная ситуация, при которой первый приобретатель, формально выражая волю на получение права собственности на имущество должника путём подписания договора об отчуждении, не намеревается породить отраженные в этом договоре правовые последствия. Например, личность первого, а зачастую, и последующих приобретателей может использоваться в качестве инструмента для вывода активов (сокрытия принадлежащего должнику имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов), создания лишь видимости широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзии последовательного перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка – сделка по передаче права собственности на имущество от должника к бенефициару указанной сделки по выводу активов (далее – бенефициар): лицу, числящемуся конечным приобретателем, либо

вообще не названному в формально составленных договорах. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем этого бенефициара, он принимает решения относительно данного имущества.

Согласно пункту 2 статьи 170 Гражданского кодекса притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила. Это означает, что правопорядок признает совершенной лишь прикрываемую сделку – ту сделку, которая действительно имела в виду. Именно она подлежит оценке в соответствии с применимыми к ней правилами. В частности, прикрываемая сделка может быть признана судом недействительной по основаниям, установленным Гражданским кодексом или специальными законами.

Как разъяснено в абзаце третьем пункта 86, абзаце первом пункта 87, абзаце первом пункта 88 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», притворная сделка может прикрывать сделку с иным субъектным составом; для прикрытия сделки может быть совершено несколько сделок; само по себе осуществление государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество к промежуточным покупателям не препятствует квалификации данных сделок как ничтожных на основании пункта 2 статьи 170 Гражданского кодекса.

При этом наличие доверительных отношений между формальными участниками притворных сделок позволяет отсрочить юридическое закрепление прав на имущество в государственном реестре, объясняет разрыв во времени между притворными сделками и поэтому само по себе не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее ничтожность сделок.

Таким образом, цепочкой последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна единственная сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара. Такая прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Констатировав мнимость оспариваемых сделок, в том числе последней, заключенной между обществом «PCY» и Файзиевым Р.М., суды не исследовали вопрос о том, являлись ли сделки притворными, возможно прикрывающими по сути одну реально совершённую сделку – вывод актива должника в пользу бенефициара Файзиева Р.М. (заместителя генерального директора должника, учредителя и директора общества «PCY») как конечного собственника, фактического выгодоприобретателя и непосредственного участника рассматриваемой взаимосвязанной цепочки сделок.

На подобную возможность указывали разумные сомнения в отсутствии у обществ «BCY» и «PCY» реальных намерений по приобретению актива должника, последовательность действий указанных лиц по отчуждению тепловых сетей спустя непродолжительный период владения, привлечение Файзиевым Р.М. к участию в цепочке сделок учреждённого и возглавляемого им общества «PCY» с целью установления последнему тарифов на услуги по передаче тепловой энергии ввиду отсутствия возможности использования тепловых сетей по назначению лично (как физическим лицом), получение Файзиевым Р.М. через подконтрольное ему общество «PCY» в период с октября 2016 года по апрель 2018 года необоснованной выгоды в виде денежных средств за услуги по передаче тепловой энергии, о чем указывал уполномоченный орган.

Без исследования названных обстоятельств (в частности, способных подтвердить или опровергнуть сомнения о том, являлся ли последний договор купли-продажи наряду с первыми двумя единой цепочкой сделок, прикрывающих прямой переход от должника через номинальных участников – обществ «BCY» и «PCY» титула собственника тепловых сетей непосредственно Файзиеву Р.М.) не мог быть правильно разрешен и вопрос применения последствий недействительности сделок. В этой связи, преждевременно прекратив производство по спору в отношении Файзиева Р.М. без установления его процессуального статуса и возможности оспаривания всех трёх договоров купли – продажи в деле о банкротстве должника, суды первой и апелляционной инстанции допустили существенное нарушение и норм процессуального права.

[Определение ВС РФ от 27.08.2020 № 305-ЭС20-4693 \(1, 2, 3\)](#)

Истец, заявляющий виндикационный иск, доказывает недобросовестность приобретения имущества ответчиком – данное правило действует также при заявлении виндикационного иска к конечному приобретателю имущества банкрота. О недобросовестности ответчика могут свидетельствовать нахождение на момент совершения сделки в ЕГРН отметки о наличии судебного

спора в отношении имущества, а также необычное поведение конечных приобретателей при совершении сделки.

При предоставлении заявителем первичных документов в подтверждение довода о недобросовестности конечных покупателей имущества, на лиц, возражающих против признания их недобросовестными, переходит бремя доказывания обратного. Любой разумный участник гражданского оборота перед покупкой недвижимого имущества знакомится со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выясняет основания возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности на него, правомочия продавца на отчуждение имущества, реальную стоимость имущества, наличие или отсутствие споров относительно права собственности на имущество.

Конечного покупателя в случае, если он является разумным и добросовестным участником оборота, должны насторожить обстоятельства продажи недвижимого имущества с отсрочкой оплаты большей части стоимости после регистрации перехода права без обеспечительных сделок и короткий период владения имуществом продавцом до его последующей продажи, что указывает на стремление продавца максимально быстро избавиться от права собственности без гарантии оплаты практически всей цены.

Конкурсный управляющий и конкурсный кредитор – общество «Кредендо-Ингосстрах Кредитное Страхование» обратились в суд с заявлениями о признании недействительной сделки по внесению должником 03.09.2013 в уставный капитал общества «Компания «БРИК» нежилого здания и об истребовании из незаконного владения здания в виде обязанности общества «С-Фото» возвратить в конкурсную массу должника указанный объект недвижимости, оставленный обществом «С-Фото» за собой в порядке исполнения вступившего в законную силу решения от 25.02.2016.

Определением от 24.08.2017 произведена замена общества «С-Фото» на Клейнера С.С. и Фесюк А.А., общество «С-Фото» сменило процессуальный статус ответчика на третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора.

При новом рассмотрении отменены определение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда в части истребования из незаконного владения Фесюк А.А. и Клейнера С.С. в порядке виндикации и возврате в конкурсную массу здания.

Между банком и обществом «Фотосинтез» заключен кредитный договор от 16.08.2010, в соответствии с которым была открыта кредитная линия с обеспечением исполнения обязательств общества «Фотосинтез» перед банком семью договорами поручительства и тремя договорами залога, заключенными между банком и юридическими лицами, входящими в одну группу компаний.

Впоследствии между должником и банком был заключен договор залога, предметом которого явились принадлежавшее должнику на праве собственности нежилое здание.

После заключения вышеуказанного договора залога задолженность общества «Фотосинтез» перед банком была погашена 30.05.2013 обществом «С-Фото», как поручителем, путём перечисления в пользу банка денежных средств, тогда как договор залога был зарегистрирован 31.05.2013.

Впоследствии между банком, как первоначальным залогодержателем, и обществом «С-Фото» было заключено соглашение от 04.06.2013 об уступке права требования (цессия), в соответствии с которым банк передал в пользу общества «С-Фото» права и обязанности залогодержателя по договору залога с одновременной уступкой права по обеспеченному ипотекой обязательству.

Далее между обществом «С-Фото» и должником заключен договор поручительства от 01.08.2013, в соответствии с которым должник принял на себя обязательства отвечать за исполнение обществом «Фотосинтез» обязательств по договору поручительства к кредитному договору от 16.08.2010, заключенному между банком и обществом «С-Фото», в размере 68 825 239,46 руб.

Кроме того, в целях обеспечения исполнения обязательств общества «Фотосинтез» между обществом «Умные игрушки-регионы» и должником был заключен договор поручительства от 01.03.13, в соответствии с которым должник принял на себя обязательства отвечать за заинтересованное лицо – общество «Фотосинтез» перед другим заинтересованным лицом – обществом «Умные игрушки-регионы» по обязательствам на сумму 95 195 833,99 руб.

Впоследствии общество «Фотосинтез» приняло решение о ликвидации и направило 23.05.2013 в суд заявление о признании себя несостоятельным (банкротом) по упрощенной процедуре.

Кроме того, между должником и Грозовым А.А. был заключен договор от 21.08.2013 об учреждении общества «Компания «БРИК», в соответствии с которым была определена доля в уставном капитале последнего в размере 99% как принадлежащей должнику. В соответствии с данным договором должником в уставной капитал общества «Компания «БРИК» по акту приёма-передачи от 03.09.2013 было внесено принадлежавшее должнику недвижимое имущество – здание.

При этом стоимость объекта недвижимости в акте была установлена в размере 27 830 000 руб., но в соответствии с результатами повторной экспертизы, проведённой в рамках настоящего обособленного спора, рыночная стоимость здания на 03.09.2019 составляла 66 378 000 руб., в связи с чем суды установили факт отчуждения должником здания по существенно заниженной стоимости и, указав на последующее исключение общества «Компания «БРИК» из ЕГРЮЛ в связи с прекращением хозяйственной деятельности, пришли к выводу об отсутствии в данных действиях должника разумной экономической цели и направленности указанных действий во вред имущественным правам кредиторов должника.

06.11.2013 между обществом «Компания «БРИК» и обществом «Умные игрушки-регионы» был заключен договор залога здания в обеспечение исполнения обязательств должника по договору поручительства и обязательств должника по решению от 26.06.2013 о взыскании с последнего, как с поручителя, денежных средств по долгам общества «Фотосинтез» перед обществом «Умные игрушки-регионы».

Доля должника в уставном капитале общества «Компания «БРИК» путём заключения договора купли-продажи от 04.08.2014 была отчуждена в пользу заинтересованного лица – общества «Умные игрушки-регионы» с указанием стоимости доли в размере 27 830 000 руб.

04.12.2014 в Единый государственный реестр юридических лиц была внесена запись о прекращении деятельности должника в связи с добровольной ликвидацией на основании решений его участников – Морозова П.В. и Зубкова А.А., однако вступившим в законную силу решением от 30.06.2015 ликвидация признана незаконной в связи с наличием у должника на момент принятия решения о его ликвидации неисполненных обязательств перед иными кредиторами.

В период нахождения настоящего дела о банкротстве в производстве общество «С-Фото» и общество «Умные игрушки-регионы» обратились 06.10.2015 в суд с иском к обществу «Компания «БРИК» об обращении взыскания на здание как на предмет залога. Решением от 25.02.2016 указанные исковые требования удовлетворены, в связи с несостоявшимися торгами по реализации предмета залога в ходе исполнительного производства предмет залога в виде здания был передан в пользу общества «С-Фото» по акту от 16.08.2016.

Впоследствии здание было приобретено индивидуальными предпринимателями Фесюк А.А. и Клейнер С.С. у общества «С-Фото» по договору купли-продажи от 06.06.2017 (после принятия судом определением от 18.05.2017 к производству заявления общества «Кредендо-Ингосстрах Кредитное Страхование» о признании недействительной сделки по отчуждению должником данного здания в рамках настоящего дела о банкротстве).

Оспариваемые сделки представляют собой цепочку взаимосвязанных сделок и последовательных действий заинтересованных лиц, направленных на вывод активов должника в адрес заинтересованного лица – общества «С-Фото» во вред кредиторам должника.

Между тем судом округа при отказе в удовлетворении заявлений в части истребования из незаконного владения Фесюк А.А. и Клейнера С.С. не учтено следующее.

Положения статей 301 и 302 ГК РФ регулируют вопросы истребования имущества из чужого незаконного владения.

По общему правилу истец, заявляющий виндикационный иск, доказывает недобросовестность приобретения имущества ответчиком (пункт 1 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В обоснование своей позиции по спору конкурсный управляющий должником и кредиторы приводили два ключевых довода, указывающих, по их мнению, на недобросовестность приобретателя имущества.

Во-первых, они указывали, что на момент совершения сделки в ЕГРН была включена отметка о наличии судебного спора в отношении права собственности на имущество (пункт 7 статьи 8.1 ГК РФ).

По смыслу пункта 38 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», приобретатель не может быть признан добросовестным, если на

момент совершения сделки в ЕГРН имелась отметка о судебном споре в отношении этого имущества, запись в ЕГРН о праве собственности отчуждателя не является бесспорным доказательством добросовестности приобретателя.

В подтверждение доводов о недобросовестности приобретателей конкурсным управляющим должником в материалы настоящего дела предоставлено письмо Управления Росреестра по городу Москве, свидетельствующее о внесении 18.05.2017 по его заявлению отметки о наличии возражений в отношении титула собственника здания.

Поскольку конкурсный управляющий должником представил первичный документ в подтверждение заявленного довода о недобросовестности конечных покупателей здания, то на лиц, возражающих против признания их недобросовестными, в соответствии с правилами статьи 65 АПК РФ перешло бремя доказывания обратного.

Любой разумный участник гражданского оборота перед покупкой недвижимого имущества знакомится со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выясняет основания возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности на него, правомочия продавца на отчуждение имущества, реальную стоимость имущества, наличие или отсутствие споров относительно права собственности на имущество.

Оснований не доверять информации, указанной в письме Управления Росреестра по городу Москве о наличии в ЕГРН по состоянию на дату совершения сделки купли-продажи здания с индивидуальными предпринимателями Фесюк А.А. и Клейнер С.С. возражений в отношении титула собственника здания у судов не имелось, иного конечными приобретателями здания не доказано. Предоставленная покупателями краткая выписка из ЕГРН от 23.05.2017 об основных характеристиках и зарегистрированных правах на объекты недвижимости (л.д. 57-58, том 66), форма которой утверждена приказом Минэкономразвития России от 20.06.2016 № 378, не содержит графы «Сведения о возражении в отношении зарегистрированного права» и не может являться доказательством наличия или отсутствия возражений относительно права собственности общества «С-Фото» на здание, следовательно, не опровергает предоставленные оппонентами доказательства о наличии такой записи.

Во-вторых, истцы обращали внимание на необычность поведения ответчиков при приобретении имущества.

Так, по их мнению, установленные судами обстоятельства продажи недвижимого имущества с отсрочкой оплаты 5/6 стоимости после регистрации перехода права без обеспечительных сделок и короткий период владения имуществом продавцом до его последующей продажи указывают на стремление продавца максимально быстро избавиться от права собственности без гарантии оплаты практически всей цены, что должно было насторожить покупателей, планирующих осуществлять предпринимательскую деятельность с использованием здания.

По смыслу пункта 9 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.11.2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» подобные сопутствующие совершению сделок обстоятельства должны были вызвать у приобретателя имущества сомнения в отношении права продавца на отчуждение спорного имущества, что также указывает на недобросовестность приобретателя.

Каких-либо иных доводов об осуществлении надлежащей проверки вышеуказанных обстоятельств Фесюк А.А. и Клейнер С.С. не привели, в то время как оппоненты указали, в том числе на наличие настоящего обособленного спора, а также двух споров по заявлениям кредитора должника о принятии обеспечительных мер в виде ареста спорного здания в рамках настоящего дела о банкротстве. Информация о данных обстоятельствах доступна в открытых источниках (в том числе и на момент совершения сделки) и её не представляется сложным найти в банке решений арбитражных судов по кадастровому номеру или адресу здания.

Следовательно, суды первой и апелляционной инстанций пришли к правильному выводу о недобросовестности приобретателей Фесюк А.А. и Клейнера С.С. ввиду не опровержения последними доводов оппонентов о наличии сведений об оспаривании права собственности продавца на здание в общедоступных источниках, не раскрытии каких-либо особых обстоятельств, которые привели к совершению действий, выходящих за рамки принятого стандарта поведения. Вывод суда округа об отсутствии оснований для вилдикации имущества у Фесюк А.А. и Клейнера С.С. является ошибочным.

Субсидиарная ответственность.

[Определение ВС РФ от 03.07.2020 № 305-ЭС19-17007 \(2\)](#)

В случае совпадения лица, привлекаемого к ответственности, основания и предмета спора о привлечении к subsidiарной ответственности с аналогичными элементами состава в уголовном деле, из размера subsidiарной ответственности подлежит исключению сумма, взысканная с ответчика в рамках ранее рассмотренного уголовного дела.

В подобной ситуации исключена возможность применения норм о солидаритете, потому как совпадает как личность должника, так и состав возникновения обязательства, то есть имеется одно обязательство одного должника. При определении соотношения рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении к subsidiарной ответственности необходимо исходить из их зачетного характера по отношению друг к другу.

Вступившим в законную силу определением признано наличие оснований для привлечения Дьячкова Ю.И. к subsidiарной ответственности по обязательствам должника. Судами трех инстанций впоследствии установлен размер ответственности, с Дьячкова Ю.И. взыскано 76 358 898,64 руб.

Дьячков Ю.И. отмечал, что приговором от 29.04.2016 он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «б» части 2 статьи 199 УК РФ.

Затем с него в пользу ИФНС № 29 по г. Москве взыскан для последующего перечисления в бюджет материальный ущерб, причиненный в результате преступления, в размере 53 053 008,78 руб.

Данная сумма, а также начисленные на нее пени и санкции впоследствии включены в реестр требований кредиторов должника.

Дьячков Ю.И. полагал, что взыскание с него в рамках спора о привлечении к subsidiарной ответственности 53 053 008,78 руб. будет являться повторным и потому неправомерным, то есть указывал на тождественность исков в указанном размере.

Правовым основанием для удовлетворения иска о возмещении причиненного преступлением ущерба являлись положения пункта 1 статьи 1064 ГК РФ, устанавливающие обязанность по возмещению вреда в полном объеме лицом, его причинившим. В частности, судом установлено, что Дьячковым Ю.И. как руководителем общества причинен вред казне посредством совершения умышленных действий, приведших к непоступлению сумм налогов в бюджет. Таким образом, судом был рассмотрен прямой иск кредитора общества к его руководителю о возмещении причиненного данному кредитору вреда противоправными действиями руководителя.

Требование о привлечении к subsidiарной ответственности в рамках дела о банкротстве представляет собой групповой косвенный иск, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства (определение ВС РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757 (2, 3)). Такой иск фактически точно так же направлен на возмещение вреда, причиненного контролирующим лицом кредитору, из чего следует, что генеральным правовым основанием данного иска выступают в том числе положения статьи 1064 ГК РФ.

Особенность требования о привлечении контролирующих лиц к subsidiарной ответственности заключается в том, что оно по сути опосредует типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением основного должника до банкротства. Выделение названного иска ввиду его специального применения и распространенности позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания.

Вместе с тем, в институте subsidiарной ответственности остается неизменной генеральная идея о том, что конечная цель предъявления соответствующего требования заключается в необходимости возместить вред, причиненный кредиторам. Данная характеристика подобного иска является сущностной, что сближает его со всеми иными исками, заявляемыми на основании положений статьи 1064 ГК РФ. Именно поэтому, в числе прочего, Пленум ВС РФ исходит из взаимозаменяемого и взаимодополняемого характера рядового требования о возмещении убытков и требования о привлечении контролирующих лиц к subsidiарной ответственности (пункт 20 постановления № 53). Разница заключается лишь в том, довело ли контролирующее лицо должника до банкротства либо нет, от чего зависит подлежащая взысканию сумма, при том что размер ответственности сам по себе правовую природу требований никак не характеризует. В связи с этим при определении соотношения этих требований необходимо исходить из их зачетного характера по отношению друг к другу (пункт 1 статьи 6, абзац первый пункта 1 статьи 394 ГК РФ).

Таким образом, как предмет, так и основание предъявленного в рамках настоящего обособленного спора требования и рассмотренного судом общей юрисдикции гражданского иска фактически совпадают.

При определении вопроса, совпадают ли стороны, необходимо исходить из того, что (как указано выше) требование о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности является косвенным, заявляемым в интересах кредиторов основного должника, выступающих фактически материальными истцами. Таким образом, фигуры материальных истцов в части уполномоченного органа также совпадают.

Более того, Законом о банкротстве кредиторам после удовлетворения иска о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности предоставлено полномочие выбрать способ распоряжения требованием к контролируемому лицу в виде уступки кредитору части этого требования в размере требования кредитора (подпункт 3 пункта 2 статьи 61.17 Закона). Заявив прямой иск к руководителю должника о возмещении причиненного вреда вне рамок дела о банкротстве, уполномоченный орган фактически выбрал способ распоряжения частью принадлежащего ему требования. При этом наличие потенциальной возможности удовлетворить свое требование с помощью иного процессуального механизма само по себе признака тождественности второго иска не устраняет.

Из вышеизложенного следует, что суды при рассмотрении вопроса об определении размера ответственности ошибочно отклонили возражения Дьячкова В.И. о совпадении предъявленного к нему требования по предмету, основанию и сторонам с иском, ранее рассмотренным судом, в части 53 053 008,78 руб.

Доводы уполномоченного органа о солидарном характере обязательства по возмещению вреда, подтвержденного судом общей юрисдикции, и обязательства, установленного при рассмотрении спора о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, подлежат отклонению. В данном случае совпадает как личность должника, так и состав возникновения обязательства, то есть имеется одно обязательство одного должника, что исключает применение норм о солидаритете.

[Определение ВС РФ от 27.07.2020 № 305-ЭС19-13378 \(3\)](#)

При рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности надлежит учитывать, что неисполнение руководителем должника обязанности по обращению в суд с заявлением о признании должника банкротом подразумевает факт обмана руководителем потенциальных кредиторов в виде сокрытия от них информации о наличии у должника признаков несостоятельности.

Не может быть привлечен к субсидиарной ответственности за неподачу указанного заявления последующий руководитель должника, вступивший в должность после подачи соответствующего заявления предыдущим руководителем и отказавшийся от него после подачи аналогичного заявления кредитором должника – потому как у него не возникло обязанности, предусмотренной ст. 9 Закона о банкротстве, и со стороны такого последующего руководителя отсутствует факт сокрытия от кредиторов реального наличия признаков банкротства.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам должника его бывших руководителей.

Судами признано доказанным наличие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности Прилуцкого Г.И. – за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о собственном банкротстве.

21.08.2014 Прилуцкий Г.И. был назначен временно исполняющим обязанности генерального директора должника решением совета директоров. При этом 07.08.2014 (до назначения Прилуцкого Г.И.) должник подал заявление о собственном банкротстве, которое 18.09.2014 принято к производству.

В тот же суд 07.10.2014 поступило заявление центра (кредитора должника) о признании должника банкротом. Это заявление принято к производству определением от 18.11.2014.

В судебном заседании по первому делу о банкротстве, должник в лице руководителя Прилуцкого Г.И. представил письменное заявление об отказе от ранее поданного заявления о собственном банкротстве, в связи с чем производство по этому делу было прекращено.

Невыполнение руководителем требований статьи 9 Закона о банкротстве об обращении в арбитражный суд с заявлением должника о его собственном банкротстве свидетельствует, по сути, о недобросовестном сокрытии от кредиторов информации о неудовлетворительном имущественном положении юридического лица. Подобное поведение руководителя влечет за собой принятие

несостоятельным должником дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов, от которых были скрыты действительные факты, и, как следствие, возникновение убытков на стороне этих новых кредиторов, введенных в заблуждение в момент предоставления должнику исполнения. Хотя предпринимательская деятельность и не гарантирует получение результата от ее осуществления в виде прибыли, тем не менее она предполагает защиту от рисков, связанных с неправомерными действиями (бездействием), нарушающими установленный законом режим осуществления хозяйственной деятельности.

Одним из правовых механизмов, обеспечивающих защиту кредиторов, не осведомленных по вине руководителя должника о возникшей существенной диспропорции между объемом обязательств должника и размером его активов, является возложение на руководителя субсидиарной ответственности по новым обязательствам при недостаточности конкурсной массы.

В связи с этим в пункте 2 статьи 10 Закона о банкротстве и в статье 61.12 Закона о банкротстве, законодатель презюмировал наличие причинно-следственной связи между обманом контрагентов со стороны руководителя должника в виде намеренного умолчания о возникновении признаков банкротства, о которых он должен был публично сообщить в силу статьи 9 Закона о банкротстве, подав заявление о несостоятельности, и негативными последствиями для введенных в заблуждение кредиторов, по неведению предоставивших исполнение лицу, являющемуся в действительности банкротом, то есть явно неспособному передать встречное исполнение.

В настоящем деле суды установили, что 07.08.2014 (до назначения Прилуцкого Г.И. временно исполняющим обязанности генерального директора должника) должником было подано заявление о собственном банкротстве. При этом 07.10.2014 – за 2 дня до отзыва Прилуцким Г.И. упомянутого заявления, в суд уже поступило заявление центра о признании должника банкротом.

Сведения о поступлении заявления центра в суд были публично раскрыты путем размещения в общедоступной информационной системе «Картотека арбитражных дел», обеспечивающей автоматический централизованный сбор информации о движении судебных дел из арбитражных судов и представление этой информации в сети Интернет.

Таким образом, на стороне Прилуцкого Г.И. не возникла обязанность по подаче заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), поскольку указанная обязанность на момент его назначения на должность уже была исполнена предыдущим руководителем, а заявление центра о признании должника банкротом, поданное по второму (настоящему) делу о банкротстве должника, поступило в суд до прекращения первого дела о банкротстве.

Иными словами, в рассматриваемом случае отсутствовал сам факт обмана потенциальных кредиторов в виде сокрытия от них информации о наличии у должника признаков несостоятельности. При таких обстоятельствах у судов не имелось оснований для возложения на Прилуцкого Г.И. субсидиарной ответственности по обязательствам должника за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 24.08.2020 № 305-ЭС20-5422 \(1, 2\)](#)

Конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего положения. Его отношения с подконтрольным ему должником не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения. Учитывая объективную сложность получения кредитором, действующим в его интересах конкурсным управляющим отсутствующих у них прямых доказательств неформальной подконтрольности, судам необходимо принимать во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Бремя опровержения совокупности косвенных доказательств возлагается на контролирующее должника лицо.

В ситуации, когда масштаб деятельности должника незначителен и из единственной сделки, совершенной в предшествующий банкротству период, вытекают требования 99% требований, включенных в реестр, контролирующее должника лицо не могло не знать о местонахождении подлежащего передаче контрагенту-кредитору имущества должника, а также о факте передачи последним должнику денежных средств за имущество.

Конкурсный управляющий и конкурсный кредитор общества Гринченко Г.А. обратились в суд с заявлениями о привлечении Кряжевой О.Ю., Миронова М.А. и Шустерова В.Б. к субсидиарной ответственности по обязательствам общества в сумме 31 265 952,64 руб.

Судами апелляционной инстанции и округа отказано в части привлечения к субсидиарной ответственности Миронова М.А. и Шустерова В.Б.

Общество (продавец) и Гринченко Г.А. (покупатель) 22.03.2011 заключили договор купли-продажи деталей и элементов самолета, из которых покупатель намеревался создать самолет ЯК7УБ. Договор подряда Гринченко Г.А. (заказчик) заключил 01.03.2013 с подрядчиком – конструкторским бюро.

Впоследствии (11.06.2014) общество, единственным участником и генеральным директором которого являлась Кряжева О.Ю., обратилось к Гринченко Г.А. с требованием погасить задолженность по договору купли-продажи, сославшись на акт, согласно которому Гринченко Г.А. 22.03.2011 принял от общества все детали и элементы, необходимые для сборки воздушного судна.

Конструкторское бюро, одним из мажоритарных участников которого являлся Мионов М.А., а генеральным директором Шустеров В.Б., письмом от 03.03.2015 подтвердило получение от Гринченко Г.А. деталей и элементов самолета для выполнения подрядных работ.

В связи с тем, что Гринченко Г.А. претензию общества не удовлетворил, оно обратилось в районный суд с иском о взыскании задолженности по договору купли-продажи, а Гринченко Г.А. предъявил встречный иск о расторжении указанного договора и возмещении убытков. При рассмотрении спора суд общей юрисдикции установил, что Гринченко Г.А. не подписывал акт приема-передачи к договору купли-продажи, детали и элементы воздушного судна ему не передавались.

Суд расторг договор купли-продажи, обязал продавца возвратить покупателю полученные денежные средства в сумме 19 700 737,4 руб.

Гринченко Г.А. подал заявление о признании общества банкротом.

Решением от 10.09.2018 общество признано банкротом, открыта процедура конкурсного производства, в ходе которой конкурсный кредитор Гринченко Г.А. и конкурсный управляющий обществом Иванова О.В. обратились в суд с заявлениями о привлечении Кряжевой О.Ю., Миронова М.А. и Шустерова В.Б. к субсидиарной ответственности.

В период с момента заключения Гринченко Г.А. первого договора – договора купли-продажи деталей и элементов самолета с обществом – и до момента возбуждения настоящего дела о банкротстве в Закона о банкротстве содержались нормы о субсидиарной ответственности контролирующих организацию - должника лиц, на случай когда их действия стали необходимой причиной банкротства.

Наличие у юридического лица номинального руководителя, формально входящего в состав его органов, но не осуществлявшего фактическое управление, не является основанием для освобождения от ответственности фактического руководителя, оказывающего влияние на должника в отсутствие соответствующих формальных полномочий (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ). В этом случае, по общему правилу, номинальный и фактический руководители несут субсидиарную ответственность солидарно: необходимой причиной банкротства выступают как бездействие номинального руководителя, уклонившегося от осуществления обязанностей по выбору представителя и контролю за его действиями, обеспечению надлежащей работы системы управления юридическим лицом, так и действия фактического руководителя, оказавшего непосредственное влияние на имущественную сферу должника (абзац первый статьи 1080 ГК РФ).

Суд первой инстанции установил, что Кряжева О.Ю. была номинальным руководителем и участником общества. Эти выводы суда первой инстанции не опровергнуты судом апелляционной инстанции. Из номинального характера взаимоотношений Кряжевой О.Ю. и общества следует, что у общества имелся иной, неформальный координирующий центр.

Рассматривая вопрос о том, являлся ли этим центром Миронов М.А., суды апелляционной инстанции и округа, по сути, сочли, что контроль Миронова М.А. должен быть подтвержден прямыми доказательствами, в том числе, исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные обществу, относительно его деятельности.

Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего положения. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения.

Учитывая объективную сложность получения кредитором, действующим в его интересах конкурсным управляющим отсутствующих у них прямых доказательств неформальной подконтрольности, суд первой инстанции правильно принял во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств.

Так, суд первой инстанции установил, что Миронов М.А. состоит в отношениях свойства с Кряжевой О.Ю. (женат на ее сестре). Кряжева О.Ю. в действительности работала администратором на базе отдыха в акционерном обществе «Комплект». Она номинально числилась единоличным исполнительным органом не только общества, но и ряда других организаций, участником которых являлся Миронов М.А. Общество эксплуатировало взлетно-посадочную площадку малой авиации, расположенную на земельном участке, принадлежащем Миронову М.А. В договорные отношения с обществом Гринченко Г.А. вступил по предложению Миронова М.А., последний принял от Гринченко Г.А. часть денежных средств в счет оплаты по сделке, направлял ему отчеты о ходе работ по созданию самолета.

Заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяли признать убедительными их аргументы о возникновении связанной группы лиц (общество – Кряжева О.Ю. – Миронов М.А.), подконтрольной Миронову М.А. В силу статьи 65 АПК РФ бремя доказывания обратного перешло на Миронова М.А. Именно он должен был обосновать независимый характер своих отношений с обществом и Гринченко Г.А. Таких доказательств Миронов М.А. не предоставил.

Особенность рассматриваемого дела, как установил суд первой инстанции, заключается в том, что единственной сделкой, совершенной в предшествующий банкротству период и существенно повлиявшей на судьбу общества, являлся договор с Гринченко Г.А., неисполнение обязательств по которому привело к банкротству общества. Сумма требований Гринченко Г.А. составляет 99,9 процента от совокупного размера задолженности общества перед всеми кредиторами. Данные выводы суда первой инстанции не были опровергнуты судами апелляционной инстанции и округа.

В свою очередь, неисполнение обязательств перед Гринченко Г.А. не было обусловлено какими-либо объективными обстоятельствами, в том числе внешними факторами, оно не может быть объяснено рискованностью предпринимательской деятельности.

Так, суд первой инстанции установил, что Гринченко Г.А. в счет оплаты по договору передал наличные денежные средства в сумме эквивалентной 19 700 737,4 руб., часть которых была получена лично Мироновым М.А. Однако данные средства не поступили ни на расчетный счет общества, ни в его кассу. Возражения Миронова М.А., изложенные в отзыве на кассационную жалобу, сводятся к тому, что суд общей юрисдикции взыскал указанную сумму с общества, а следовательно, именно оно ее и получило. Вместе с тем действия по принятию денежных средств, совершенные представителями, в том числе теми, полномочия которых вытекали из обстановки, являются в силу пункта 1 статьи 182 ГК РФ действиями представляемого, что позволило осуществить взыскание с общества. Такое взыскание не предрешает вопрос о том, как принявшие исполнение представители распорядились полученным.

Доказательств расходования переданной Гринченко Г.А. суммы на нужды должника не имеется. Одновременно суд первой инстанции установил, что должнику на праве собственности принадлежали транспортные средства – бензовоз и самолет Як-30, обнаружить которые не смог ни конкурсный управляющий, ни судебный пристав - исполнитель.

Если бы денежные средства, полученные от Гринченко Г.А., поступили обществу и из его владения не выбыли бы транспортные средства, общество смогло бы рассчитаться с кредиторами и не впасть в состояние объективного банкротства.

Учитывая незначительный масштаб деятельности общества, Миронов М.А. не мог не знать о том, где фактически находятся транспортные средства должника. Установленные судом первой инстанции факты получения им денег, направления Гринченко Г.А. по электронной почте писем, смет, планов-графиков, сводных ведомостей и отчетов, касающихся выполнения работ по сборке самолета, создающих у заказчика видимость исполнения договора, а также номинальный статус его свояченицы Кряжевой О.Ю. не позволяют прийти к выводу о том, что денежные средства Гринченко Г.А. были израсходованы вопреки решениям Миронова М.А.

С учетом изложенного, у судов апелляционной инстанции и округа не имелось оснований для освобождения Миронова М.А. от ответственности.

Как уже отмечалось, при привлечении к субсидиарной ответственности в части, не противоречащей специальным положениям Закона о банкротстве, подлежат применению общие положения ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств и об обязательствах вследствие причинения вреда.

Установлено соучастие Шустерова В.Б. в совершении действий, приведших к банкротству общества, в том числе действий, направленных на непоступление обществу денежных средств Гринченко Г.А. и уклонение от проведения расчетов с данным кредитором.

Так, суд установил, что Шустеров В.Б. был руководителем конструкторского бюро – организации, использованной Мироновым М.А. для создания видимости сборки самолета Гринченко Г.А. Шустеров В.Б., наряду с Мироновым М.А., принимал денежные средства от Гринченко Г.А. При рассмотрении спора в суде общей юрисдикции конструкторское бюро предоставило письмо, подписанное Шустеровым В.Б., в котором изложило явно не соответствующие действительности сведения о том, что бюро получило от Гринченко Г.А. детали и узлы самолета, проданные обществом.

Действия Миронова М.А. и Шустерова В.Б. являлись согласованными, скоординированными, направленными на реализацию общего незаконного намерения. Следовательно, Шустеров В.Б. на основании абзаца первой статьи 1080 ГК РФ как сопричинитель вреда подлежал солидарному привлечению к субсидиарной ответственности.

Номинальным руководителем общества и его номинальным 100- процентным участником являлась Кряжева О.Ю. Все время пока она числилась контролирующим лицом Миронов М.А. имел возможность определять действия общества. Само по себе то обстоятельство, что в 2014 году общество перестало вести хозяйственную деятельность, не свидетельствует о переходе контроля над ним к каким-то иным лицам.

[Определение ВС РФ от 25.08.2020 № 307-ЭС20-180](#)

Одним из условий удовлетворения требований кредиторов о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих ликвидированного должника, является установление того обстоятельства, что долги организации перед кредиторами возникли из-за неразумности и недобросовестности ответчиков. Само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности.

Подобного рода ответственность не может и презюмироваться, даже в случае исключения организации из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа. При разрешении такого рода споров истец должен доказать, что невозможность погашения долга перед ним возникла по вине ответчика в результате его неразумных либо недобросовестных действий.

При рассмотрении споров о привлечении к субсидиарной ответственности лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ в административном порядке, не подлежат применению нормы Закона о банкротстве, т.к. в отношении лица дело о банкротстве не возбуждалось.

Общество (заемщик) не исполнило надлежащим образом свои обязательства перед обществом «МКК ОТС Кредит» (компания, заимодавец) в рамках договора займа от 28.09.2016, заключенного для обеспечения заявки на участие в открытом аукционе, что установлено вступившим в законную силу решением от 23.03.2017.

Указанным судебным актом с общества в пользу компании взыскано 825 000 руб. долга и 603 466,26 руб. суммы процентов, неустойки, судебных расходов.

Во исполнение решения от 23.03.2017 компании выдан исполнительный лист, который взыскателем был направлен в банк. Задолженность должником не погашена.

На основании решения инспекции ФНС от 21.09.2018 общество было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо.

Учредителем и генеральным директором общества являлся гражданин Минаев Е.И.

Общество «ОТС-Кредит» (далее – истец), обратилось в суд с иском к Минаеву Е.И. о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам общества и взыскании с Минаева Е.И. 1 428 466,26 руб.

Для кредиторов юридических лиц, исключенных из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», законодателем предусмотрена возможность

защитить свои права путем предъявления исковых требований к лицам, указанным в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 ГК РФ (лицам, уполномоченным выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица), о возложении на них субсидиарной ответственности по долгам ликвидированного должника. Соответствующие положения закреплены в пункте 3.1 статьи 3 Закона об обществах.

Согласно указанной норме одним из условий удовлетворения требований кредиторов является установление того обстоятельства, что долги общества с ограниченной ответственностью перед кредиторами возникли из-за неразумности и недобросовестности лиц, указанных в пунктах 1 - 3 статьи 53.1 ГК РФ.

Само по себе исключение юридического лица из реестра в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3.1 статьи 3 Закона об обществах.

Кроме того, из принципов ограниченной ответственности и защиты делового решения (пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»; далее – постановление Пленума № 53) следует, что подобного рода ответственность не может и презюмироваться, даже в случае исключения организации из ЕГРЮЛ по решению регистрирующего органа на основании статьи 21.1 Закона о государственной регистрации. При разрешении такого рода споров истец должен доказать, что невозможность погашения долга перед ним возникла по вине ответчика в результате его неразумных либо недобросовестных действий.

Однако в рассматриваемом случае конкретные обстоятельства, свидетельствующие о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между действиями ответчика как руководителя и учредителя должника и тем, что долг перед кредитором не был погашен, всеми судами не устанавливались. Вопрос о наличии или отсутствии признаков неразумности или недобросовестности в действиях ответчика судами также не исследовался.

Так, в материалы дела представлены: протокол от 06.10.2016 № 7805/700 подведения итогов электронного аукциона на поставку 3Д принтера, согласно которому общество было признано победителем электронного аукциона, в связи с тем, что его заявка на участие признана соответствующей требованиям, установленным документацией, и им была предложена наиболее низкая цена контракта – 163 350 000 руб., а также сведения об участии общества в иных аукционах. Вместе с тем, судом первой инстанции не исследовались вопросы заключения с обществом (поставщик) контракта по результатам электронного аукциона и исполнения сторонами указанного контракта (поставка товара и его оплата покупателем); не проверялось участие общества в других аукционах, заключение и исполнение им иных контрактов.

Кроме того, суд апелляционной инстанции, который установил вину ответчика в том, что им не было подано заявление о банкротстве должника, с указанием на утраченную возможность выявить имущество должника, необоснованно применил к спорным правоотношениям положения Закона о банкротстве.

В соответствии с положениями статьи 61.14 Закона о банкротстве, учитывая разъяснения, приведенные в пунктах 27-31 постановления Пленума № 53, наличие права на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 61.11-61.13 Закона о банкротстве, связано с наличием в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, в том числе и после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с отсутствием средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве. Однако в отношении общества какой-либо процедуры банкротства не применялось, оно исключено из ЕГРЮЛ в административном порядке по правилам статьи 21.1 Закона о государственной регистрации.

Торги.

[Определение ВС РФ от 20.08.2020 № 305-ЭС19-3996 \(6\)](#)

Если финансовый управляющий должника добился признания недействительным договора отчуждения недвижимости, внесения в ЕГРН записи о праве должника на недвижимость, до возвращения владения определение суда об аннулировании договора было отменено, но управляющий успел продать недвижимость третьему лицу на конкурсных торгах, права первого покупателя, сохраняющего все это владение недвижимостью и титул, нарушают не заключение договора купли-продажи недвижимости по итогам торгов, а отражение в ЕГРН недостоверной записи

о праве и последующая регистрация перехода права к победителю торгов. Соответственно, надлежащий способ защиты права первого покупателя как истинного собственника состоит не в оспаривании договора купли-продажи недвижимости, по которому не уполномоченное на отчуждение лицо (финансовый управляющий от имени должника) продает недвижимость третьему лицу, а в предъявлении иска о признании права собственности.

При этом второй покупатель, купивший недвижимость у должника на торгах, не мог не заметить, что владеет недвижимостью, права на которую отражены в ЕГРН за должником, не сам должник, а третье лицо. Соответственно, не обратив на это внимание, он нарушил даже минимальный стандарт осмотрительности и не заслуживает защиты..

Ингулова В.Б. в рамках дела о банкротстве Дьяконовой М.С. обратилась в суд с заявлением о признании недействительными торгов по продаже квартиры, договора купли-продажи квартиры от 26.12.2018, заключенного по результатам этих торгов, признания права собственности Ингуловой В.Б. на квартиру.

Судами апелляционной инстанции и округа в удовлетворении заявления отказано.

Дьяконова М.С. (продавец) и Ингулова В.Б. (покупатель) 23.04.2015 заключили договор купли-продажи квартиры. Цена договора составила 9 300 000 руб.

Запись о регистрации права собственности Ингуловой В.Б. на квартиру внесена в ЕГРН 13.05.2015 .

Решением от 24.10.2017 Дьяконова М.С. признана банкротом, введена процедура реализации ее имущества, в ходе которой финансовый управляющий Мальцев Д.В. обратился в суд с заявлением о признании договора купли-продажи квартиры от 23.04.2015 недействительным.

Определением от 20.04.2018 заявление финансового управляющего удовлетворено, договор от 23.04.2015 признан недействительным, применены последствия его недействительности в виде признания права собственности Дьяконовой М.С. на квартиру. При этом ни Ингулова В.Б., ни ее представитель в судебных заседаниях суда первой инстанции участия не принимали.

На основании указанного определения 30.05.2018 внесена запись о регистрации права собственности Дьяконовой М.С. на квартиру.

В дальнейшем квартира была выставлена финансовым управляющим Мальцевым Д.В. на продажу как имущество Дьяконовой М.С. (должника), составляющее конкурсную массу. Торги по продаже квартиры состоялись 19.12.2018, их победителем признан Решетников Д.О., с которым 26.12.2018 финансовый управляющий Мальцев Д.В. заключил договор купли-продажи квартиры по цене 6 826 741 рубль 90 копеек. В тот же день Мальцев Д.В. и Решетников Д.О. составили акт приема-передачи квартиры, согласно которому первый передал, а второй принял квартиру.

За день до подписания договора купли-продажи и акта приема-передачи к нему (25.12.2018) представители финансового управляющего Мальцева Д.В. выехали к месту нахождения квартиры и оформили акт. В этом акте отражено, что соседи Ингуловой В.Б. отказались допустить представителей управляющего в общеквартирный коридор, отгороженный металлической дверью, вызвали сотрудников полиции и родственников Ингуловой В.Б., родственники Ингуловой В.Б. сделали заявление о незаконности действий представителей управляющего, отказали им в доступе в квартиру.

Ингулова В.Б., узнав о притязаниях третьих лиц на квартиру, подала 18.01.2019 апелляционную жалобу на определение суда первой инстанции от 20.04.2018, заявив ходатайство о восстановлении пропущенного срока на обжалование.

Вскоре после этого в государственный реестр внесена запись от 18.02.2019 о регистрации права собственности Решетникова Д.О. на квартиру.

Впоследствии отменено определение от 20.04.2018 и отказал в удовлетворении заявления финансового управляющего о признании договора купли-продажи квартиры от 23.04.2015 недействительным и о применении последствий его недействительности. Суд установил, что Ингулова В.Б., приобретая квартиру, действовала добросовестно, исполнила надлежащим образом обязательство по оплате недвижимости, цена сделки соответствовала рыночной.

Ингулова В.Б. приобрела право собственности на квартиру на основании действительного договора купли-продажи от 23.04.2015, исполненного обеими сторонами. Она приняла недвижимость в фактическое владение, оплатила ее и зарегистрировала право собственности за собой в государственном реестре. С момента приобретения квартиры из ее владения никогда не выбывала.

В соответствии с пунктом 1 статьи 235 ГК РФ право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

Установленные законом основания для прекращения права собственности Ингуловой В.Б. не возникли. Ошибочное судебное решение, отмененное впоследствии, к числу таких оснований не относится. Следовательно, внесенные в государственный реестр записи о прекращении права собственности Ингуловой В.Б. на квартиру и восстановлении права собственности Дьяконовой М.С. являлись недостоверными.

Поскольку квартира включена в конкурсную массу в отсутствие к тому законных оснований финансовый управляющий не мог распорядиться данной квартирой (пункт 1 статьи 209 ГК РФ).

В случае проявления Решетниковым О.Д. минимальной степени осмотрительности, которая от него требовалась в сложившейся ситуации, – осмотра недвижимости перед заключением сделки, он с неизбежностью узнал бы о том, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом, и о пороках регистрационной записи о восстановлении права собственности Дьяконовой М.С. на квартиру. Поэтому Решетников О.Д. не может считаться добросовестным приобретателем. Он, равно как и финансовый управляющий, выехавший на осмотр квартиры только после ее продажи с торгов, не вправе в силу абзаца второго пункта 6 статьи 8.1 ГК РФ обосновывать возражения по иску Ингуловой В.Б. ссылками на то, что они разумно полагались на записи государственного реестра о правах Дьяконовой М.С., не зная об их недостоверности.

Статьи 551, 556 ГК РФ определяют момент исполнения продавцом недвижимого имущества обязанности по его передаче покупателю: передача должна состояться до государственной регистрации перехода права собственности, условие о передаче имущества после государственной регистрации перехода права может быть согласовано сторонами в договоре или закреплено в законе.

Мальцев Д.В. и Решетников Д.О. в договоре от 26.12.2018 не отошли от диспозитивных положений абзаца второго пункта 1 статьи 556 ГК РФ, а именно, не предусмотрели, что переход права собственности не зависит от исполнения обязанности продавца передать квартиру. В связи с этим они оформили акт приема-передачи квартиры от 26.12.2018. Однако данный акт, представленный в регистрирующий орган, заведомо недостоверен: Мальцев Д.В. в принципе не мог передать квартиру Решетникову Д.О., а Решетников Д.О. принять ее, поскольку имущество все время находилась во владении Ингуловой В.Б.

Основная обязанность по договору купли-продажи от 26.12.2018 не была исполнена продавцом – не состоялась передача недвижимости покупателю, являющаяся в данном случае необходимой предпосылкой для регистрации перехода права собственности. Такая правовая позиция соответствует смыслу разъяснений, данных в абзацах втором – четвертом пункта 61 совместного постановления пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – постановление № 10/22).

Значит, Мальцев Д.В. и Решетников Д.О., составив заведомо недостоверный передаточный акт, искусственно исключили из юридического состава, требующегося для регистрации перехода права собственности, фактическую передачу имущества по договору купли-продажи.

При таких обстоятельствах, следует признать, что Решетников Д.О. не приобрел право собственности на квартиру (пункт 2 статьи 218 ГК РФ).

Судебная коллегия считает, что права Ингуловой В.Б. были нарушены не самими фактами проведения торгов, заключения договора с Решетниковым Д.О., а регистрацией права собственности последнего. Эта регистрация была осуществлена безосновательно и привела к тому, что юридическая судьба квартиры была решена вопреки воле собственника, оставшегося лишь фактическим владельцем.

Как разъяснено в пунктах 58 и 59 постановления № 10/22 лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности. Если иное не предусмотрено законом, иск о признании права подлежит удовлетворению в случае представления истцом доказательств возникновения у него соответствующего права.

Требование о признании права собственности на квартиру, наряду с другими, Ингулова В.Б., не состоящая в обязательственных правоотношениях с Решетниковым Д.О. и не утратившая владение, передала на разрешение арбитражного суда первой инстанции. Данное требование она обратила к надлежащему ответчику – лицу, числящемуся в государственном реестре правообладателем. Именно

указанное требование подлежало удовлетворению судом, поскольку в этой части Ингулова В.Б. избрала надлежащий способ защиты и ее иск подтвержден необходимыми доказательствами. Соответствующее судебное решение о признании права собственности Ингуловой В.Б. должно было стать основанием для корректировки записей государственного реестра, приведения их в соответствие с реальным положением дел (абзац второй пункта 52 постановления № 10/22).

[Определение Верховного Суда от 30.06.2020 года № 41-КГ20-3](#)

1. Торги, проведенные с нарушением правил, установленных законодательством о банкротстве, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица. При этом признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги. Следовательно, торги являются способом заключения договора, а признание их недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги. По этой причине предъявление требования о признании недействительными торгов означает также предъявление требования о признании недействительной сделки, заключенной по результатам торгов.

В связи с этим требование арбитражного управляющего и любого другого заинтересованного лица о признании недействительными торгов по продаже имущества должника, в частности торгов, проведенных в ходе исполнительного производства, после введения в отношении должника-гражданина процедуры наблюдения и вплоть до завершения дела о банкротстве подлежит предъявлению в рамках дела о банкротстве по правилам главы III.1 Закона о банкротстве.

2. При признании судом по иску супруга (бывшего супруга) недействительной сделки по передаче имущества должника, признанного банкротом, залоговому кредитору в счет погашения обязательства должника в связи с признанием торгов несостоявшимися из-за отсутствия заявок, в качестве последствий недействительности суд не может указать лишь на аннулирование государственной регистрации перехода права собственности от должника к кредитору. В такой ситуации суд должен одновременно разрешить вопрос о том, кому и на каких условиях возвращается это имущество, а также вопрос о восстановлении обязательств должника перед залоговым кредитором. Иначе получалось бы, что суд применяет одностороннюю реституцию, в результате которой стороны не приводятся в первоначальное положение, а вместо этого залоговый кредитор в одностороннем порядке лишается регистрации права на переданное ему в счет исполнения обязательств должника имущество. Такое применение последствий недействительности сделки противоречит положениям пункта 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данный вывод следует из того, что речь в подобной ситуации идет не о недействительности обычного договора, направленного на отчуждение объекта недвижимости, а о недействительности передачи недвижимости залогодателя залоговому кредитору в рамках процедуры банкротства в счет погашения обеспеченного долга.

Делалян Э.Э. обратилась в суд с иском к Айвазяну Д.Е. и обществу о признании недействительным заключённого ответчиками 19.06.2017 г. соглашения о передаче в собственность общества земельного участка.

Судами общей юрисдикции первой и апелляционной инстанций иск удовлетворен.

Согласно части 2 статьи 27 АПК РФ арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретённый в установленном законом порядке (далее - индивидуальные предприниматели), а в случаях, предусмотренных данным кодексом и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица.

В соответствии с частью 1 статьи 61.8 Закона о банкротстве заявление об оспаривании сделки должника подаётся в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, и подлежит рассмотрению в деле о банкротстве должника.

По смыслу приведённых выше норм права и акта их толкования, оспаривание сделок должника по общим правилам подсудности вне дела о банкротстве производится тогда, когда оно не связано по содержанию с процедурами, применяемыми в банкротстве.

Кроме того, в пункте 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» разъяснено, что торги, проведённые с нарушением правил, установленных законом, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица; признание торгов недействительными влечёт недействительность договора, заключённого с лицом, выигравшим торги. Следовательно, торги являются способом заключения договора, а признание их недействительными влечёт недействительность договора, заключённого с лицом, выигравшим торги. По этой причине предъявление требования о признании недействительными торгов означает также предъявление требования о признании недействительной сделки, заключённой по результатам торгов.

В связи с этим требование арбитражного управляющего и любого другого заинтересованного лица о признании недействительными торгов по продаже имущества должника, в частности торгов, проведённых в ходе исполнительного производства, после введения в отношении должника процедуры наблюдения и вплоть до завершения дела о банкротстве подлежит предъявлению в рамках дела о банкротстве по правилам главы III.1 Закона о банкротстве.

Судами установлено и из материалов дела следует, что Делалаян Э.Э. и Айвазян Д.Е. состояли в браке с 21.04.2001 г. по 06.03.2018 г.

Решением от 20.08.2015 г. ИП Айвазян Д.Е. признан несостоятельным (банкротом) и в отношении него открыто конкурсное производство.

Торги по продаже имущества должника, находящегося в залоге у общества, дважды признаны несостоявшимися по причине отсутствия заявок, в связи с чем по соглашению от 19.06.2017 г. финансовый управляющий Хасанов Р.И. передал в собственность обществу как конкурсному кредитору имущество должника ИП Айвазяна Д.Е., состоящее из земельного участка и находящихся на нём зданий.

Между тем согласно статье 214.1 Закона о банкротстве к отношениям, связанным с банкротством индивидуальных предпринимателей, применяются правила, установленные параграфом 1.1 главы X данного закона.

В соответствии с пунктом 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом), подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам, предусмотренным данной статьёй. В таких случаях супруг (бывший супруг) вправе участвовать в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. В конкурсную массу включается часть средств от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), соответствующая доле гражданина в таком имуществе, остальная часть этих средств выплачивается супругу (бывшему супругу). Если при этом у супругов имеются общие обязательства (в том числе при наличии солидарных обязательств либо предоставлении одним супругом за другого поручительства или залога), причитающаяся супругу (бывшему супругу) часть выручки выплачивается после выплаты за счёт денег супруга (бывшего супруга) по этим общим обязательствам.

Пунктом 4 этой же статьи закона установлено, что продажа предмета залога осуществляется в порядке, установленном пунктами 4, 5, 8-19 статьи 110 и пунктом 3 статьи 111 данного федерального закона, с учётом положений статьи 138 этого федерального закона.

Согласно пункту 4.1 статьи 138 Закона о банкротстве в случае признания несостоявшимися повторных торгов конкурсный кредитор по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, вправе оставить предмет залога за собой с оценкой его в сумме на десять процентов ниже начальной продажной цены на повторных торгах.

По настоящему делу истец, по существу, оспаривает сделку, совершённую финансовым управляющим должника по передаче имущества должника залоговому кредитору, заключённую по результатам проведения торгов, дважды признанных несостоявшимися.

Данные действия произведены в рамках процедуры банкротства, возникающие в связи с этим правоотношения урегулированы Законом о банкротстве, участником этих правоотношений является в том числе супруг (бывший супруг) должника, а следовательно, оспаривание супругом (бывшим супругом) должника действий (сделки) по передаче кредитору имущества должника возможно только в рамках дела о банкротстве.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пунктах 7 и 8 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», вне рамок дела о банкротстве рассматриваются требования супруга (бывшего супруга) должника об определении долей в общем имуществе с отступлением от принципа равенства, а также о разделе общего имущества супругов до его продажи в процедуре банкротства.

Приведённые выше положения закона и акты его толкования судом апелляционной инстанции при рассмотрении доводов апелляционной жалобы о подсудности требований арбитражному суду, рассматриваемому делу о банкротстве, учтены не были.

Кроме того, в соответствии с пунктом 2 статьи 167 ГК РФ при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. В пункте 4 постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» разъяснено, что целью оспаривания сделок в рамках дела о банкротстве является возврат в конкурсную массу того имущества, которое может быть реализовано для удовлетворения требований кредиторов.

По настоящему делу суд, признавая недействительной сделку по передаче имущества должника залоговому кредитору в счёт погашения обязательства должника перед этим кредитором, в качестве последствий недействительности указал лишь на аннулирование государственной регистрации перехода права собственности от должника к кредитору, при этом, однако, не разрешил ни вопрос о том, кому и на каких условиях возвращается это имущество, ни вопрос о восстановлении обязательств должника перед кредитором.

По существу судом применена односторонняя реституция, в результате которой стороны не приведены в первоначальное положение, залоговый кредитор в одностороннем порядке лишён регистрации права на переданное ему в счёт исполнения обязательств должника имущество.

Такое применение последствий недействительности сделки противоречит положениям пункта 2 статьи 167 ГК РФ.

Признавая сделку по передаче названного выше имущества недействительной на основании пункта 4 статьи 35 ЗК РФ, суд не учёл, что в данном случае имело место не просто отчуждение земельного участка и объектов недвижимости, а передача кредитору имущества, находящегося у него в залоге, в рамках процедуры банкротства по результатам дважды несостоявшихся торгов.

Данные правоотношения урегулированы в том числе специальными нормами о залоге и о банкротстве, которые судом учтены не были.

Банкротство граждан.

[Определение ВС РФ от 16.07.2020 № 305-ЭС19-27717](#)

При заявлении должником-гражданином об исключении из конкурсной массы автомобиля на основании его использования для осуществления профессиональной деятельности должнику необходимо доказать, что он является таксистом, личным водителем, перевозчиком и т.д., то есть что спорное транспортное средство позволяет ему генерировать периодический доход, за счет которого живет он и члены его семьи, а также за счет которого возможно было бы осуществлять наполнение конкурсной массы.

В рамках дела о банкротстве должник обратился в суд с ходатайством об исключении из конкурсной массы автомобиля.

По ходатайству гражданина состав имущества, исключаемого из конкурсной массы в силу закона, может быть изменен (в сторону увеличения его стоимости). Решение соответствующего вопроса относится к дискреционным полномочиям суда, рассматривающего дело о банкротстве. Суд может удовлетворить названное ходатайство, если сочтет, что подлежащего исключению из конкурсной массы имущества недостаточно для поддержания жизнедеятельности гражданина, удовлетворения его жизненно необходимых потребностей (пункт 2 постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»). В таком случае суд определяет имущество, которое подлежит исключению из конкурсной массы дополнительно

(разово либо на периодической основе). При этом должен соблюдаться баланс интересов должника, лиц, находящихся на его иждивении, с одной стороны, и кредиторов, имеющих право на получение удовлетворения за счет конкурсной массы, с другой стороны.

В рассматриваемом случае должник сослался исключительно на наличие у него водительского удостоверения как на доказательство осуществления профессиональной деятельности. Вместе с тем наличие права на управление транспортным средством не является доказательством факта осуществления данной деятельности на профессиональной основе.

Как верно указано судами, должником не представлено в материалы настоящего обособленного спора надлежащих доказательств, свидетельствующих о том, что он осуществлял или осуществляет профессиональную деятельность в качестве водителя. В частности, должник не подтвердил, что он является таксистом, личным водителем, перевозчиком и т.д., то есть что спорное транспортное средство позволяет ему генерировать периодический доход, за счет которого живет он и члены его семьи, а также за счет которого возможно было бы осуществлять наполнение конкурсной массы.

Учитывая, что в настоящий момент в рамках иных судебных дел с исследованием тех доказательств, которые заявителем в материалы настоящего обособленного спора по своей воле предоставлены не были, установлена несостоятельность доводов должника об использовании им указанного транспортного средства в профессиональной деятельности, удовлетворение ходатайства Князя А.С. об исключении данного имущества из конкурсной массы по причине использования в профессиональных занятиях гражданина-должника необоснованно нарушит принцип правовой определенности, что недопустимо.

[Определение от 20.07.2020 № 305-ЭС19-15240 \(2\)](#)

Если кредитором реституционное требование заявляется ко включению в реестр в процедуре реструктуризации долгов, срок предъявления требования и последствия его пропуска регулируются пунктом 2 статьи 213.8 и абзацем вторым пункта 4 статьи 213.19, а не статьей 142 Закона о банкротстве.

При этом предъявление кредитором требования с пропуском двухмесячного срока, установленного указанными нормами или отказ в его восстановлении не являются основаниями для нерассмотрения судом этого требования. Такое требование, в случае его обоснованности, подлежит включению в реестр требований кредиторов гражданина – должника и удовлетворяется на общих условиях; в резолютивной части определения суд лишь указывает на отсутствие у кредитора права принимать участие в первом собрании кредиторов несостоятельного гражданина (пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»).

Подобное требование кредитора не подлежит понижению. Иное, по сути, означало бы переложение ответственности на его кредиторов, пострадавших от недействительной сделки и не совершавших каких-либо противоправных действий, что недопустимо.

В рамках дела о банкротстве Блажко М.Е. общество «Ривер Тауэр» обратилось в суд с заявлением о включении его требования в сумму 1 430 547,46 руб. в реестр.

Требование общества признано обоснованным, во включении этого требования в реестр отказано, оно признано подлежащим удовлетворению за счет имущества Блажко М.Е., оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр.

В рамках дела о банкротстве общества вступившим в законную силу определением признаны недействительными операции по перечислению 1 120 000 рублей с расчетного счета общества на расчетный счет Блажко М.Е., произведенные в погашение задолженности по соглашению о новации долга от 10.01.2013.

Конкурсный управляющий общества предъявил к включению в реестр 1 120 000 рублей (сумма, полученная Блажко М.Е. с предпочтением) и проценты за пользование чужими денежными средствами, взысканные судом.

Суд округа правильно отметил, что приведенные в постановлении № 63 разъяснения о понижении очередности (о применении ответственности особой природы на основании пункта 2 статьи 61.6 Закона о банкротстве) относятся к удовлетворению восстановленного требования самого Блажко М.Е. к обществу, которое он мог бы заявить в рамках дела о банкротстве общества после исполнения определения о признании сделки недействительной.

Очередность же удовлетворения реституционного требования общества к Блажке М.Е. в рамках дела о банкротстве последнего не подлежала изменению. Иное, по сути, означало бы переложение ответственности на кредиторов общества, пострадавших от недействительных расчетных операций и не совершавших каких-либо противоправных действий, что недопустимо.

Поскольку реституционное требование заявлено обществом в процедуре реструктуризации долгов Блажке М.Е., срок предъявления требования и последствия его пропуска урегулированы пунктом 2 статьи 213.8 и абзацем вторым пункта 4 статьи 213.19, а не статьей 142 Закона о банкротстве.

Двухмесячный срок предъявления требования, установленный пунктом 2 статьи 213.8 Закона о банкротстве, общество пропустило.

Однако предъявление кредитором требования с пропуском данного срока или отказ в его восстановлении не являются основаниями для нерассмотрения судом этого требования. Такое требование, в случае его обоснованности, подлежит включению в реестр требований кредиторов гражданина – должника и удовлетворяется на общих условиях; в резолютивной части определения суд лишь указывает на отсутствие у кредитора права принимать участие в первом собрании кредиторов несостоятельного гражданина (пункт 23 постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»).

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Книги

[Карелина С.А., Фролов И.В. Реформирование института несостоятельности \(банкротства\) в современной России: проблемы правовой эффективности: монография, коллектив авторов / МГУ имени М.В. Ломоносова. \(Юстицинформ, 2020\)](#)

[Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : монография : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, С. А. Карелина, В. Д. Рузанова, О. В. Шмалый, О. А. Золотова, О. В. Сушкова \(ГЛАВА 2. ИНСТИТУТ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ \(БАНКРОТСТВА\) В ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ\) \(Проспект, 2020\)](#)

[Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам несостоятельного должника \(Статут, 2020\)](#)

2. Статьи

Журнал «Арбитражная практика для юристов»

Июль

[Тихонова В., Володина А. Суд прекратил процедуру банкротства. Как дотянуться до контролирующих лиц](#)

[Николаев А. Мораторные проценты. Как кредитору получить максимальную сумму](#)

[Солодовникова Л. Зачет требований в банкротстве. Какие аргументы защитят сделку от оспаривания](#)

[Гусева А. Виндикация имущества у добросовестного приобретателя. Когда суд на стороне собственника](#)

Август

[Покрышкин Н., Шабалина М. Экспертиза фиктивности или преднамеренности банкротства.](#)

[Шесть спорных вопросов](#)

[Набережный А. Опасный прецедент: внештатного юриста привлекают к субсидиарке на 23 миллиона](#)

Журнал "Юрист компании"

Июль

[Банкротство физических лиц: закон содержит особые положения](#)

Газета "ЭЖ-Юрист"

Июль

[Шестакова М. Можно ли исключить из конкурсной массы автомобиль?](#)

[Юканова О. Судебные тенденции по субсидиарной ответственности: десять дел, которые потрясли банкротный рынок](#)

[Шестакова М. Арбитражные управляющие будут рассматривать требования кредиторов о включении в реестр вместо судов: новая версия законопроекта](#)

[Шестакова М. К субсидиарной ответственности по долгам банкрота можно привлечь бывших членов совета директоров](#)

Август

[Наттан М. Судебная рассрочка — еще один способ помочь должнику в условиях моратория и после его окончания](#)

[Шестакова М. ВС РФ признал законной сделку по кредитованию счета в преддверии банкротства](#)

[Шестакова М. Внесудебное банкротство граждан: в чем выгода для должников и что делать кредиторам](#)

[Гапизов Ш. Снятие ареста с имущества несостоятельного должника: проблемы правоприменения](#)

[Шестакова М. ВС РФ опубликовал второй в 2020 году обзор судебной практики. В нем позиции по недвижимости, обязательствам, госзакупкам, банкротству](#)

Журнал РШЧП

№ 1 /январь – февраль/ 2020

[Широкова Е. Концептуальные и нормативные основы российской доктрины субординации](#)

[Шефас П., Ковалерчик М. Российское сальдо – зачёт без преференций](#)

[Соловьев А. Торги в банкротстве: некоторые особенности установления стартовой цены продажи имущества](#)

№ 2 /март-апрель/ 2020

[Шайдуллин А. «Субординация будет стимулировать реабилитацию, заставлять участников договариваться с кредиторами в судебной или внесудебной процедуре»](#)

[Михальчук Ю., Николаев А. «Единственная более-менее разумная рекомендация: как только директор понимает, что корабль начинает тонуть, – сразу бежать в суд и подавать заявление о банкротстве...»](#)

[Горчаков Д., Беккер А., Черныхов А., Беккер Д., Гричанин К., Шайдуллин А., Акимов Е., Николаев А., Мягкая или жёсткая субординация? Комментарий к Обзору Верховного Суда](#)

[Маслов А., Николаев А., Курбанов Б., Величко В., Аралина Е., Зиновьева К., Якушева М., Шефас П. Дисквалификация и отстранение управляющего в России: сравнение с подходами в Германии, США и Великобритании. Критика изменений в КоАП](#)

[Курбанов Б. Lex COVID-19 concursus: анализ банкротно-правовых мер по смягчению экономических последствий пандемии](#)

№ 3 /май - июнь/ 2020

[Егоров А. Мораторий при банкротстве: критический анализ и комментарий](#)

[Николаев А. Телеологическое толкование норм Закона о банкротстве. Ситуации, при которых это необходимо](#)

[Мличковский А. Переквалификация требований об оспаривании сделки в делах о банкротстве кредитных организаций](#)

[Белявцев В. Оспаривание сделок ликвидируемой кредитной организации. Как доказать необычность хозяйственной деятельности?](#)

[Лысенко А. Вознаграждение арбитражного управляющего: практика применения специальных разъяснений ВАС](#)

3. Блоги

[Галанцев Д. Солидарные должники и банкротство! Что делать?](#)

[Григорьев А. Защита от субсидиарной ответственности на основе актов Верховного Суда РФ или делаем из лимона лимонад \(разбор Определения ВС РФ от 22 июня 2020 г. по делу N307-ЭС19-18723\(2,3\) - дело АО «Теплоучет»\)](#)

Дамаскин С. [Передача дела о выделе доли супруга в арбитражный суд](#)
Домнин С. [Верховный суд РФ и дело о добросовестном таксисте](#)
Доценко М. [Непростая судьба «упрощенного» банкротства: гора родила мышь](#)
Ефремова Д. [Привлечение к субсидиарной ответственности консультантов должников](#)
[Исключение из ЕГРЮЛ повлекло субсидиарную ответственность // ВС решит, применим ли Закон о банкротстве, если банкротства не было](#)
Коптяев Н. [Регистрация залога движимого имущества и банкротство](#)
Оршанский П. [Тайная очередь раньше «текущих». Как в неё попасть](#)
Петрова Н. [Внесудебное банкротство гражданина: инструкция по применению](#)
Саликов М. [Уральский округ наносит очередной удар по проблеме обращения взыскания на единственное жилье должника. Суды продолжают формировать положительную судебную практику](#)
Салмаков Д. [Верховный Суд указал на тождественность требований о возмещении ущерба и о привлечении к субсидиарной ответственности](#)
Семин А. [Субсидиарка для внештатного юриста](#)
Суворов Е. [Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации за июнь 2020](#)
Стешенцев А. [Мораторий на исполнительное производство. Кому и как он поможет](#)
[Сын участника банкрота купил требование из реестра // ВС решит, понижать ли его в очереди](#)
Тараданов Р. [Что является объектом реституции при недействительности уступки обеспеченного залогом требования, если предмет залога уже приобретен цессионарием на торгах? // Как обычно, вопрос из банкротной схемы](#)
Ткачев А. [Обзор судебных актов Верховного Суда РФ за 2 квартал 2020 года по делам о банкротстве](#)
Толкунова П. [Субсидиарная ответственность за создание зеркального общества](#)
Трубина Д. [Как не допустить включения в реестр требования аффилированного лица, если это лицо - банк](#)
Шайдуллин А. [Субординация текущих требований и требования аффилированного лица, приобретённого им у независимого кредитора в процедурах банкротства. О деле, переданном на рассмотрение Верховного Суда РФ](#)

4. Выпуски Банкротного клуба

[Вебинар БК - «Судебная рассрочка в период моратория: первый сgmtdown для организаций в России»](#)

* * *

Ответственный редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

Редакторы:

Гульнара Исмаилова

(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Дарья Нюхалкина

(адвокат, АБ "Эксиора")

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).

Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44